

Элизабет Вернер

Мираж

Элизабет Вернер

Мираж

«Public Domain»

1896

Вернер Э.

Мираж / Э. Вернер — «Public Domain», 1896

«С минуты на минуту должны были начаться скачки. И наездники, и публика с нетерпением ждали сигнала. За барьером теснилась плотная толпа народа, а на трибунах были заняты все места до последнего. Оживленная, сверкающая красками картина, которую можно видеть на всяком европейском ипподроме, здесь, под чужим небом, в совсем другом мире, являлась в такой оригинальной раме, что много раз виданное, знакомое зрелище казалось совершенно новым и особенно интересным...»

Содержание

1	5
2	13
3	21
4	25
5	28
6	32
7	37
8	43
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эльза Вернер

Мираж

1

С минуты на минуту должны были начаться скачки. И наездники, и публика с нетерпением ждали сигнала. За барьером теснилась плотная толпа народа, а на трибунах были заняты все места до последнего. Оживленная, сверкающая красками картина, которую можно видеть на всяком европейском ипподроме, здесь, под чужим небом, в совсем другом мире, являлась в такой оригинальной раме, что много раз виданное, знакомое зрелище казалось совершенно новым и особенно интересным.

На заднем плане длинной, светлой, сверкающей полосой расстилался город – целое море улиц, дворцов и домов, из которого выступали многочисленные купола мечетей, стройные, изящные минареты и группы высоких пальм, а над всем этим на возвышении своими башнями вздымалась цитадель. Это был Каир, утопавший в жгучих лучах африканского солнца, а над ним простирался небесный свод такой густой, ослепительной синевы, какой не знает даже южная Европа.

В толпе, теснившейся за барьером скакового поля, можно было встретить представителей всех народов и племен Востока; она пестрела оригинальными фигурами в живописных, фантастических национальных костюмах, яркими, кричащими цветами, желтыми, коричневыми, черными лицами со жгучими темными глазами, которые то устремлялись на всадников, собравшихся у старта, то обращались на трибуны.

Здесь под широким тентом собралась вся знать Каира, общество, пожалуй, не менее пестрое по составу, чем толпа внизу, у барьера. Рядом с представителями высших кругов туземного общества налицо была вся колония иностранцев, живущих в городе, а вместе с ней сюда же устремился и широкий поток европейцев-туристов, привлеченных в Египет страстью к путешествиям или же необходимостью поправить свое здоровье. Здесь можно было встретить представителей всех наций, здесь царил смешение языков; северяне и южане слились в одну толпу; рядом с самыми роскошными, изысканными туалетами виднелись простые дорожные костюмы; и глаз, и ухо – все говорило о том, что находишься в одном из больших центров Востока, куда стекаются иностранцы.

Перед трибунами стояла группа мужчин, с жаром толковавших о предстоящих скачках; они горячо спорили об их предполагаемом исходе; очевидно, мнения разделялись. Наконец один из них, только что подошедший английский полковник, уверенно заявил:

– Я могу заранее предсказать исход, господа: первым придет Бернрид на своем Дарлинге.

«В самом деле?» – «Это – еще вопрос!» – «Вы считаете это вполне решенным делом?» – раздалось со всех сторон.

– Еще бы! Я знаю Дарлинга; он – превосходный скакун. Желал бы я только узнать, как умудрился Бернрид добыть эту великолепную лошадь. Я с удовольствием приобрел бы ее, но для меня цена была чересчур высока. Он купил ее неделю тому назад.

– Только едва ли заплатил, – вставил молодой офицер тоже в форме английской армии. – Этот немецкий барон одарен грандиозным талантом всюду оставаться должным, хотя у него нигде больше нет кредита.

– В этом вы ошибаетесь, Гартлей, – возразил полковник. – В данном случае ему поверили, потому что Бернрид известен как лучший наездник, и если он поедет на Дарлинге, то почти не может быть сомнения, что выйдет победителем. Ведь большинство держит пари за Дарлинга. Вы тоже за него, лорд Марвуд?

Он обратился к господину, который стоял рядом, слушая, но не принимая участия в разговоре; он и теперь не считал нужным ответить, а только слегка утвердительно кивнул головой.

– Френсис, я думал, что ты будешь держать на Фаиду германского генерального консула, – сказал Гартлей. – Есть у нее шансы? Ты должен это знать, потому что часто бываешь у фон Осмара.

– Никаких, – соблаговолил, наконец, промолвить лорд Марвуд. – Фаида ни разу не участвовала в скачках и вообще еще недостаточно тренирована. Но мисс Зинаида непременно хотела видеть свою любимицу на скачках.

– И, несмотря на это, ты поставил не на Фаиду? – шутливо спросил молодой офицер. – Конечно, ты проиграл бы, но это никоим образом не унизило бы тебя в глазах дамы твоего сердца, а даже напротив.

По-видимому, шутка не понравилась молодому лорду, в ответ он не проронил ни звука.

Френсису Марвуду было лет под тридцать. Это был высокий, стройный мужчина с правильными чертами лица, безусловно, имевшими право считаться красивыми, со светлыми, несколько тусклыми глазами и густыми пепельными волосами – настоящий тип англичанина-аристократа. Его манера держаться, речь, движения – все было холодно-чопорно и размеренно; внешность молодого человека могла бы быть очень привлекательной, если бы не холодная, высокомерная сдержанность, составлявшая отличительную черту его характера и ярко выделявшаяся даже в его обращении с соотечественниками и равными ему по происхождению людьми.

– Ну, едва ли какая-нибудь лошадь может соперничать с Дарлингом, – снова заговорил полковник. – Кто едет на Фаиде?

Лорд Марвуд пожал плечами и ответил пренебрежительным тоном:

– Совершенно неизвестная личность, совсем еще мальчишка, которого привел Зоннек и который, по всей вероятности, ничего не смыслит в верховой езде.

– Ах, тот молодой немец? – воскликнул Гартлей. – Как его зовут? Я забыл его фамилию. Во всяком случае это – красивый, смелый юноша, и, конечно, он умеет ездить, иначе Зоннек едва ли взял бы его с собой в экспедицию в центральную Африку. Знаменитый исследователь Африки очень разборчив насчет своих спутников.

– Может быть, для экспедиции в пустыню он и годится, но нельзя же вводить в дом, подобный дому Осмара, первого встречного авантюриста. А этот человек едва ли представляет собой что-либо иное. Никто не знает, откуда он; можно ожидать самых неприятных разоблачений относительно него, но Зоннек, пользуясь своим влиянием и связями, не принимает во внимание никаких соображений.

Слова молодого лорда дышали невероятно оскорбительным высокомерием, но полковник сказал мягким тоном:

– Да, Зоннек – мастер настаивать на своем, а у Осмара это ему нетрудно... Ах, вот сигнал! Начинают.

Действительно, только что был подан сигнал к началу скачек. Всадники помчались во весь опор; разговоры смолкли, и глаза всех присутствующих устремились на ипподром, где началось состязание.

– Видите, господа, я прав, – горячо воскликнул полковник. – Бернрид возглавляет скачку, его Дарлинг впереди всех.

– А Фаида – последняя, – прибавил Марвуд с жесткой насмешкой. – Я так и думал. Правда, с таким наездником нельзя было и ждать ничего другого. Я не понимаю консула: как можно было доверить такую дорогую лошадь подобному человеку!

– Да, ездок, действительно, обещает немного, – согласился Гартлей. – Только бы он не довел благородного коня до падения, когда будет брать препятствия.

На лошадях ехали большей частью сами их владельцы, и благородные животные повиновались малейшему движению поводьев. Все участники скачек были превосходными наездниками, но они уже не мчались сомкнутым рядом; после первого препятствия поле представляло ровное место с мягкой почвой, и отставшие всеми силами старались наверстать упущенное. Картина с каждой минутой становилась все более оживленной. Впереди всех шла английская рыжая лошадь, великолепное животное, очевидно, вполне уверенное в своем превосходстве. Она первой взяла препятствие и мчалась дальше растянутым галопом, далеко оставив за собой остальных. На нее с самого начала были обращены глаза зрителей, и всадника приветствовали громкими криками. Это был человек лет тридцати с резкими чертами лица, имевшими суровое, мрачное выражение; правда, теперь на его губах играла легкая торжествующая улыбка. Бернрид, полагаясь на быстроту бега лошади, был, по-видимому, вполне уверен в своей победе.

В эту минуту самый последний из отставших внезапно полетел вперед с такой молниеносной скоростью, что обратил на себя всеобщее внимание. Он за короткое время догнал товарищей, потом одного за другим опередил их. Вот он легко и уверенно, без малейшего напряжения взял препятствие и помчался дальше, за ведущим скачку всадником; расстояние между ними быстро сокращалось.

Бернрид оглянулся и бросил полуудивленный, полугневный взгляд на неожиданного соперника. Это был еще очень молодой человек, которого до сих пор никто не удостоивал вниманием. Он сидел в седле так, точно прирос к нему. Лошадь, на которой он ехал, казалась почти маленькой по сравнению с рыжим гигантом Дарлингом, но была, несомненно, чистойшей породы: ее стройное сложение и маленькая головка с большими умными глазами выказывали арабскую кровь. Вот она очутилась совсем у крупа Дарлинга; еще одно быстрое, как молния, движение вперед, и обе лошади пошли рядом.

Борьба становилась серьезной. Бернриду довольно было одного взгляда, чтобы понять, что соперник равен ему по умению, что он преднамеренно берег свою лошадь и держался позади, чтобы теперь показать всю ее силу. Точно молния промелькнула по лицу Бернрида, на лбу образовалась грозная складка. Дарлинг почувствовал шпоры и напряг все силы, но напрасно – арабская лошадь не отставала, и они бок о бок взяли следующее препятствие.

Первоначальный интерес зрителей к поразительному обороту, который принимали скачки, уже давно превратился в страстное участие. На других всадников уже почти не обращали внимания; смотрели только на этих двоих, ожесточенно оспаривавших друг у друга победу. Все остальные отошли на задний план перед этим состязанием между всадником, признаваемым первым в кругу каирских спортсменов, и молодым иностранцем, которого почти никто не знал. Но именно эта неожиданность, невероятная скорость, с которой он появился, доставили ему симпатии толпы – и аристократии на трибунах, и простонародья внизу; по мере продвижения его провожали бурными приветствиями.

Очевидно, Бернрид чувствовал, к кому относились приветствия, и не мог примириться с мыслью о возможности поражения. Его лицо побагровело, каждая жилка в нем дрожала от дикого возбуждения, и это возбуждение грозило стать для него роковым: вместе с самообладанием он утратил и власть над лошадью. Два всадника вихрем неслись вперед – Дарлинг мчался длинными, мощными прыжками, а рядом с ним легко, как птица, едва касаясь земли своими изящными копытцами, летела Фаида.

Наконец арабская лошадь опередила; рыжая отстала сначала на длину головы, потом больше, больше; она явно начинала уставать. Если Фаиде удастся первой взять последнее препятствие, победа будет предрешена...

Вероятно, эта мысль лишила Бернрида последних остатков рассудка и самообладания. Поблуднев как полотно, стиснув зубы и напрягая каждый мускул, он, как безумный, хлестнул свою лошадь. С удил Дарлинга бежала пена, его бока трепетали, но он повиновался: сделал

последнее отчаянное усилие и нагнал Фаиду; оба коня почти одновременно приготовились к прыжку.

Широким, мощным прыжком Фаида перелетела через барьер. Глухой крик, раздавшийся в то же мгновение, потонул в громе восторженных приветствий, которыми зрители встретили безумно смелый наезднический кунштюк¹, и всадник помчался дальше к цели, к победе, которой никто уже у него не оспаривал.

Никто! Дарлинг, всего несколькими секундами позднее собравшийся взять препятствие, упал на нем. Он грохнулся поперек плетня, а его владелец, выброшенный из седла, лежал в нескольких шагах на земле без движения. Его быстро подняли, унесли с ипподрома и сдали на руки врачу. Продолжению скачек это не помешало; к подобным несчастным случаям всегда надо быть готовым.

Бурные крики встретили победителя, подошедшего к столбу; его со всех сторон осыпали похвалами и изъявлениями восторга, а дамы на трибунах махали платками. Победа была, действительно, блистательна: другие наездники пришли к цели лишь много секунд спустя.

Молодой наездник Фаиды – ему было самое большее двадцать три, двадцать четыре года – снял фуражку и раскланялся. Он был стройным и, несомненно, обладал силой; его лоб обрамляли густые вьющиеся белокурые волосы; слегка загорелое лицо не отличалось красотой, но в его неправильных чертах было что-то особенное, привлекавшее к себе внимание; темные огненные глаза сверкали веселым задором и гордой самоуверенностью. Теперь, когда он кланялся на все стороны, раскрасневшись от бешеной езды, сияя торжеством победы, он казался олицетворением бурной молодости во всей ее силе и красоте.

Он поклонился в сторону трибуны, из переднего ряда которой ему усердно махали пожилой господин и молодая дама. Первый быстро встал с места и пошел навстречу победителю.

– Вы, действительно, одержали победу в честном поединке! – воскликнул он, полный радостного волнения. – Благодарю вас, господин Эрвальд! Меня со всех сторон осыпают поздравлениями. . . Нет, господа, вам следует обратиться с ними вот к этому молодому наезднику; Фаида обязана победой единственно ему.

Он говорил по-немецки и с последними словами обратился к нескольким мужчинам, которые шли за ним и окружили молодого человека, поздравляя его.

– А ведь вы не ожидали, что мы с Фаидой победим, господин консул, – со смехом сказал Эрвальд, спрыгивая с седла на площадке перед весами. – Вы серьезно боялись поражения и пожалы плечами, когда я вызвался за неделю выехать вашу лошадь для скачек.

– Если бы я видел образчики вашего искусства в верховой езде, то, конечно, был бы увереннее, – ответил консул, пожилой человек аристократической внешности. – В данном случае вышел очень приятный сюрприз. Идите же к моей дочери! Зинаида хочет видеть Фаиду; она чрезвычайно гордится ее победой.

Фон Осмар дружески махнул победителю рукой и обратился к двум подошедшим англичанам, тогда как Эрвальд, сдержанно поклонившись им, взял лошадь под уздцы и повел ее к трибунам.

– Фаида желает получить благодарность от своей хозяйки, – сказал он, слегка кланяясь молодой девушке, которая протягивала руку к лошади, чтобы поласкать ее.

Фаида наклонила красивую головку и тихонько заржала, точно понимала, что заслужила ласку.

– А наездник? Он не нуждается в благодарности за смелую езду? – улыбаясь спросила девушка.

¹ Кунштюк – (нем.) ловкий прием, фокус, трюк.

– Напротив, мне следует благодарить вас, – возразил Эрвальд. – Не заступись вы за меня, мне не доверили бы Фаиды. Ваш батюшка сначала был решительно против этого и сдался только на вашу просьбу.

– Смейтесь-смейтесь! Вы одержали блистательную победу над всеми, кто сомневался в вас, и над бедным Бернридом. Надеюсь, его падение не будет иметь опасных последствий?

– Надеюсь, что нет. Я уже справлялся, но лорд Марвуд, к которому я обратился с вопросом, не соблаговолил мне ответить. Правда, я никогда не был в милости у лорда, но, с тех пор как он убедился, что я держусь в седле до известной степени порядочно, удостоил меня уже полной немилости. Я в отчаянии!

Слова молодого человека дышали веселой насмешкой, а в его движениях, когда он вплотную подошел к трибуне и положил руку на барьер, была заметна некоторая преднамеренность: он прекрасно видел, что лорд Марвуд, в отдалении разговаривая с консулом, наблюдает за ним и за молодой девушкой.

Зинаиде фон Осмар было около двадцати лет. Это была стройная, хрупкая девушка, одаренная жгучей экзотической красотой страны, в которой родилась. Черные волосы, причесанные гладко и свернутые на затылке греческим узлом, имели синеватый оттенок; глаза были бархатистые, очень темные, какие бывают только у детей юга; взгляд был кроток и мечтателен, но в нем таился страстный огонек; лицо казалось немножко бледным; ему недоставало свежего румянца, но его мягкие, нежные черты были полны чарующей прелести. Даже не будучи дочерью одного из самых богатых людей в Каире, молодая девушка все же привлекала бы к себе внимание.

Вероятно, так думал и лорд Марвуд, не сводивший с нее глаз. Он, очевидно, не постигал, как смеет «мальчишка» так фамильярно болтать с дочерью консула. Что касается Осмара, то тот как будто не замечал этого; в это время он разговаривал с двумя английскими офицерами о Бернриде.

– Кажется, он еще довольно счастливо отделался, – сказал консул. – Насколько я слышал, он не особенно расшибся. А Дарлинг в самом деле погиб?

– К сожалению, да, – подтвердил полковник. – Задняя нога сломана. Жаль, но Бернрид шпорил его, как безумный. Сам виноват, что погубил такую чудесную лошадь, потеря которой для него равносильна разорению.

– Он во что бы то ни стало хотел победить, – сказал Гартлей. – А Эрвальд ведь сражался не на жизнь, а на смерть. Кто, собственно, этот господин?

– Молодой немец, желающий попытать счастья в огромном Божьем мире, – весело ответил Осмар. – Я и сам больше ничего о нем не знаю. Его привез с собой из Германии Зоннек; он берет его в экспедицию в центральную Африку. Эрвальд понравился мне с первого взгляда. Славный, умный юноша: от него так и веет силой и жизнью.

– Да, такие люди нужны Зоннеку, – сказал полковник. – В чем другом, а уж в смелости у этого Эрвальда нет недостатка. Как дивно, безумно смело взял он последнее препятствие!

Имя Эрвальда, которое эти господа прежде никак не могли припомнить, теперь весьма бегло сходило с их языка, ведь в последнюю четверть часа оно облетело толпу, переходя из уст в уста со скоростью огня, бегущего по зажигательному шнуру; неизвестный молодой иностранец вдруг выдвинулся на первый план.

Его разговор с Зинаидой фон Осмар скоро был прерван; консул отозвал его, чтобы представить еще нескольким знакомым, и молодого человека снова засыпали поздравлениями.

Все были заняты исключительно им и Фаидой, и никто не обратил внимания на закрытый экипаж, медленно двинувшийся по дороге к городу. Во время его отправления был только один человек; он дал указания кучеру и уже пошел назад к ипподрому, как вдруг Зоннек остановил его вопросом:

– Ну что, доктор Вальтер, благодаря сегодняшнему увеселению на вашу долю выпала работа? Вероятно, это господин Бернрид уехал в город? Говорят, все обошлось довольно благополучно, несчастный случай не имел серьезных последствий.

– Напротив, дела очень серьезные, господин Зоннек, – возразил доктор, быстро оборачиваясь. – Пока мы лишь наскоро наложили повязку; подробный осмотр можно будет сделать только в немецкой больнице, куда я отправил господина фон Бернрида.

– В больнице? – повторил пораженный Зоннек. – Разве вы не можете лечить его на дому?

– С тех пор как умерла его жена, у него нет квартиры, он занимает несколько комнат в гостинице. Там не может быть и речи о правильном уходе. Не знаю, что будет с ребенком, с его маленькой дочуркой. Остаться в гостинице она не может, потому что пройдет много времени, прежде чем ее отец вернется, если только он вообще вернется!

Услышав последние слова, Зоннек явно испугался.

– Неужели вы опасаетесь смертельного исхода? – быстро спросил он. – Это было бы грустно.

– Кто знает! – серьезно ответил врач. – Может быть, для Бернрида это был бы лучший исход, ведь гибель Дарлинга для него – разорение, и кроме того не думаю, чтобы жизнь, которую он вел в последнее время, доставляла ему удовольствие. Для его дочурки тоже невелико счастье расти в такой обстановке и в такой среде, хотя отец боготворит ее. Во всяком случае я сделаю все от меня зависящее, чтобы спасти его, но у меня мало надежды на это.

Наступила пауза. Зоннек молча смотрел в землю и наконец взволнованно сказал:

– Кажется, господина Бернрида в Каире недолюбливают. Никому до него нет дела; больше говорят о его Дарлинге, чем о несчастье, происшедшем с ним самим. Его никогда нельзя было встретить в настоящем обществе, и господин фон Осмар не принимал его.

– Это понятно; германский консул обязан заботиться о своем служебном положении и сторониться сколько-нибудь запятанных личностей. Правда, Бернрид, происходит из древнего дворянского рода и играет роль в спортивном мире, но друзей у него никогда не было, да и не такой образ жизни он вел, чтобы их иметь. Но вот идет господин Эрвальд; он, кажется, ищет вас. Я поговорю еще со своим коллегой и сейчас поеду в больницу.

Доктор простился и ушел. Действительно, Эрвальд искал Зоннека и, увидев, поспешно направился к нему. Зоннек провел рукой по лбу, точно желая отогнать мучительное воспоминание, пошел навстречу молодому человеку и, протянув ему руку, воскликнул:

– Наконец-то мне удалось добраться до тебя, герой дня! Я мог только издали помахать тебе, так тебя обступили. Поздравляю, Рейнгард! Ты одержал удивительную победу!

– Хорошо проскакал? – спросил Эрвальд, глаза которого заблестели.

– Пожалуй, даже слишком хорошо; я боюсь, что тебя вконец испортят всеми этими восторгами да лестью. Скажи, однако, зачем ты играл комедию, притворялся самым посредственным наездником и только сегодня показал, на что способен.

– Меня это забавляло, – ответил Эрвальд. – Как все удивлялись, пожимая плечами, когда стало известно, что я еду на Фаиде и осмеливаюсь выступить на скачках, в которых участвует прославленный Дарлинг! Ни одна душа не подозревала, чего стоит эта лошадь, а меньше всех сам консул: только фрейлейн фон Осмар, безусловно, верила в нее.

– Фрейлейн фон Осмар? Неужели? – Зоннек бросил пыливый взгляд на лицо молодого человека. – Надо полагать, ее доверие относилось не только к лошади, но и к всаднику?

– Может быть! Во всяком случае я не обманул ее доверия, – беспечно сказал Рейнгард.

Во время этого разговора они шли обратно к ипподрому, но остановились за барьером в толпе. Зоннек, которого знала вся Европа как смелого и деятельного исследователя Африки, очевидно, был известен и в Каире, потому что перед ним почтительно расступались. Он был ниже стройного, высокого Эрвальда; его покрытое темным загаром лицо, может быть, было красивым в молодости, но теперь оно было испещрено глубокими морщинами, оставленными

на нем жизнью, полной лишений и опасностей, постоянного напряжения сил и борьбы. Темные волосы этого человека, едва достигшего сорокалетнего возраста, уже серебрились на висках, а глубокие серые глаза смотрели печально и серьезно, и лишь очень редко в них мелькала легкая улыбка. Он рассеянно смотрел на бега, начавшиеся теперь на ипподроме, и вдруг обратился к своему молодому товарищу:

– Ты знаешь, что Бернрид сильно расшибся?

Эрвальд испуганно взглянул на него.

– Нет, напротив, я слышал, что он пострадал очень незначительно.

– Так говорили, но доктор Вальтер, у которого я только что спрашивал, смотрит на дело очень серьезно. Правду сказать, Рейнгард, не было никакой надобности так безумно взвизгивать в воздух, беря последнее препятствие, вместо того чтобы просто его перепрыгнуть. Это могло стоить тебе жизни, да и бедной Фаиде также. Такие фокусы уместны в цирке, на скачках же они неприличны.

– Да я и выучился этому в цирке, – смеясь, ответил Рейнгард, – Ведь я почти год странствовал с цирком.

Зоннек посмотрел на него с недоумением.

– И я узнаю об этом только сегодня?

– Вы меня не спрашивали, а у меня до сих пор не было случая заговорить об этом. Я не собирался делать из этого тайну. Но... может быть, вас это шокирует?

– Нет! Я редко кого удостаиваю безусловным доверием, но когда это случается, то уже не имею обыкновения расспрашивать да выведывать. Ты откровенно сказал мне, что изгнало тебя из отечества, и с меня этого довольно. Но, очевидно, иной раз ты вращался в довольно сомнительном обществе, и, я думаю, тебе пора покончить с этим.

Лицо молодого человека омрачилось, и в его голосе зазвучало сдержанное волнение.

– Да, пора! Я сам чувствовал, что дичаю и этой обстановке, но ничего не мог сделать; у меня не было никакого иного способа добывать себе хлеб, а надо было жить. Кто знает, что вышло бы из меня, если бы вы вовремя не протянули мне руки и не вытащили из ямы! Я не умею выражать свою благодарность многословными речами, но надеюсь доказать ее когда-нибудь на деле.

– Хорошо, хорошо, – остановил его Зоннек, – тебе представится для этого немало случаев во время экспедиции. Теперь я знаю, по крайней мере, откуда у тебя такая безумная манера ездить. Но я раз и навсегда запрещаю тебе эти фокусы; я решительно не признаю за тобой права ломать себе шею уже здесь, в Каире. Со временем склонность к таким глупостям пропадет сама собой; когда человек окружен опасностями и ежедневно должен бороться за свою жизнь, он уже не рискует ею так легкомысленно из простого тщеславия.

– Вы не можете себе представить, как меня тянет вдаль! – с увлечением воскликнул Рейнгард. – Когда, наконец, мы тронемся в путь?

– Как только в моем распоряжении будут нужные люди и средства, а до того времени может пройти несколько недель. Меня и самого это не радует, потому что мы теряем лучшее время для путешествия. Но для тебя в Каире все еще ново, ты должен быть просто опьянен массой впечатлений, а после сегодняшнего подвига ты будешь к тому же иметь успех в обществе, особенно у женщин.

При последних словах прежний пытливый взгляд остановился на лице молодого человека, но тот с досадой откинул голову назад, и углы его губ презрительно опустились.

– Зачем мне женщины? Меня тянет вдаль. Здесь все еще так по-европейски, так проникнуто цивилизацией, здесь человека связывают тысячи правил приличий, ограничений и условностей; когда же я гляжу вон с тех холмов на необъятную, безграничную пустыню, то мне кажется, что только там, в бесконечной дали, я найду свободу и счастье!

При этом бурном порыве по лицу Зоннека пробежала улыбка, но он серьезно ответил:

– Ты еще научишься довольствоваться малым. Условности и ограничения существуют везде, а безграничная свобода не есть счастье. Наступит время, когда человек с удовольствием отдаст бы ее за... Но что толку читать нравоучения! Такая горячая двадцатичетырехлетняя голова, как твоя, не верит тому, что говорят опытные люди; она думает, что знает все лучше других. Тебя научит сама жизнь, а пока я – твой ментор и буду заботиться, чтобы ты не был излишне сумасбродным.

Толпа пришла в движение: бега, последний номер программы, закончились. Зрители начали расходиться, и трибуны опустели.

Осмар с дочерью уже сидел в экипаже. У его подножки стоял лорд Марвуд и довольно многословно прощался с молодой девушкой. К сожалению, он не мог не заметить, что она очень рассеянна и едва слушает его; она как будто искала кого-то в толпе и, очевидно, нашла, потому что ее темные глаза вдруг заблестели, и легкий румянец окрасил ее прелестное личико. Френсис повернул голову по направлению ее взгляда; там стоял Зоннек с Эрвальдом, и оба кланялись. Молодой лорд внезапно оборвал разговор и с холодным поклоном удалился. Авантюрист, на которого он смотрел с таким аристократическим пренебрежением, был ему до сих пор только неприятен, теперь же ему почти начинало казаться, что он может стать и опасен.

2

– Позвольте представиться, доктор! Правда, вы – врач, но господин Зоннек говорит, что вы – все-таки хороший человек, и я надеюсь, что это – правда; вы в самом деле не кажетесь плохим.

Доктор Вальтер, к которому была обращена эта удивительная речь, слегка поклонился двум дамам, только что вошедшим в его кабинет, и ответил, сдерживая улыбку:

– Могу вас уверить, я, действительно, неплохой человек. К сожалению, вы, очевидно, заранее расположены во всех моих коллегам видеть плохих людей.

– Я приучена! – выразительно проговорила дама. – Но, как я уже сказала, у вас не злой и вполне человеческий вид, да, кроме того, вы – немец и потому не захотите обижать своих соотечественниц, беспомощных, беззащитных женщин, которых судьба забросила в эту мерзкую страну пустынь.

Собственно говоря, эпитеты «беспомощная» и «беззащитная» не подходили к внешности говорящей дамы, уже довольно пожилой женщины. Вся в черном, с чудовищным зонтиком в руках, она ничуть не напоминала особы, нуждающейся в чьей-либо защите. Это была высокая, худая женщина с резкими чертами и весьма энергичным выражением лица. Вторая дама, молодая, хрупкая и миниатюрная, с миловидным, немного бледным личиком, белокурыми волосами и светлыми глазами, тоже была в трауре. Она имела в высшей степени робкий, запуганный вид и старалась держаться поближе к своей спутнице, как будто ища у нее поддержки.

– У меня нет привычки обижать своих пациентов, – возразил доктор, с трудом сохраняя серьезность. – Итак, мадам...

– Я не замужем! – перебила его дама негодующим тоном.

– Прошу извинить! Итак, мадемуазель, чем могу служить?

Дама еще раз посмотрела на доктора пронизывающим взглядом и, по-видимому, прониклась к нему доверием, потому что решила представиться по всей форме:

– Я – Ульрика Мальнер из Мартинсфельда, что в Нижней Померании. Мой покойный брат был помещиком, он умер два года тому назад, а вот это – его вдова, Зельма Мальнер, рожденная Вендель. Неделю тому назад мы приехали в Каир и совершенно не знали бы, что делать, если бы не господин Зоннек. Мы живем с ним в одной гостинице. Это – единственный человек среди всех этих англичан да американцев, он-то и послал нас к вам. Ну-с, доктор, теперь вы знаете, в чем дело; дайте же нам медицинский совет.

– С большим удовольствием. – Вальтер с некоторым удивлением посмотрел на молодую вдову, которой могло быть, самое большее, года двадцать два-двадцать три. – С большим удовольствием, если вы скажете мне, кому я должен дать его и кто из вас – пациентка.

– Ну, конечно, Зельма! – ответила Мальнер. – Она кашляет, и из-за этого нам пришлось отправиться в Африку. Когда в мое время у людей бывал кашель, они пили грудной чай, и это помогало; теперь же человека посылают во всевозможные части света, и это, разумеется, не помогает, потому что вот мы здесь уже целую неделю, а Зельма все кашляет. Доктора просто не знают, что им выдумать, чтобы мучить несчастных людей.

– Ах, Ульрика, пожалуйста! – тихо и робко проговорила молодая женщина, дергая золовку за платье, но та и сама уже опомнилась и сказала примирительным тоном:

– Разумеется, к вам это не относится, доктор! Вы не должны обижаться на меня, потому что...

– Присутствующие составляют исключение, – договорил доктор Вальтер, которого чрезвычайно забавляла странная дама. – Не беспокойтесь, на вас я не обижусь. Однако мне нужно знать подробно, в чем дело. Давно ли вы больны, и в чем выражается болезнь?

Он обратился прямо к молодой женщине, и та сделала было робкую попытку ответить, но золовка без церемонии перебила ее заявив:

– У нее что-то в легком не в порядке – в правом или левом, или в обоих, уж не знаю точно, только где-то что-то не в порядке. Говорят, будто она переутомилась, ухаживая за моим братом. Он несколько лет был болен, и у нас было два врача, но, конечно, они не помогли; врачи могут сделать все, что угодно, только не вылечить больного. Успокойся, Зельма, ты ведь слышала – доктор не обидится.

Последняя выходка все-таки немного вывела Вальтера из терпения. У него уже вертелся на языке резкий ответ, но глаза молодой женщины так умоляюще и испуганно смотрели на него, что он решил воспринимать бесцеремонную даму с некоторой долей юмора. Впрочем, та и не позволила бы остановить поток ее красноречия.

– Наш домашний врач вбил себе в голову, будто Зельме необходимо переменить климат, и хотел во что бы то ни стало отправить нас в Италию. Разумеется, я рассмеялась ему в лицо, и мы остались дома. У нас, в Мартинсфельде, здоровейший в мире климат: никогда не бывает больше шестнадцати градусов мороза зимой, а что с моря дует маленький ветерок, так об этом не стоит и разговаривать. Но Зельма стала кашлять все сильнее, и тогда нелегкая дернула меня обратиться к так называемому авторитету, к берлинскому доктору, тайному советнику Фельдеру, гостившему в то время по соседству у своих родных. Он приехал, послушал легкие Зельмы и прямо заявил: «В Каир!»

– Вот как! Вас прислал сюда Фельдер? – вставил доктор.

– Он самый! – серьезно, кивнув головой, ответила Ульрика. – Пусть наша поездка будет на совести этого великого авторитета. Я думала, что меня хватит удар, и отбояривалась и руками, и ногами, но тогда авторитет разозлился и заявил мне в лицо, что, когда люди располагают такими значительными средствами, то не может быть и речи о том, чтобы не ехать. Наш домашний врач, разумеется, изо всех сил поддакивал авторитету и в конце концов они стали мне угрожать, что сами отправят мою невестку в Каир. Ну, тут уже мне ничего больше не оставалось, как начать укладываться. Мы поехали, переплыли через Средиземное море и вот, – она сделала шаг вперед и вызывающе посмотрела на доктора, – и вот мы здесь!

– Вижу, – спокойно сказал Вальтер, – и так как вы просите моего совета, то я прежде всего должен выслушать госпожу Мальнер; тогда посмотрим, что делать. Попрошу вас сюда!

Он открыл дверь в соседнюю комнату, пропустил молодую женщину вперед и двинулся вслед за ней, но вынужден был остановиться и загородить путь ее золовке, которая в ту же минуту очутилась на пороге.

– Я с ней! – решительно заявила она.

– Извините, вы останетесь здесь, – возразил доктор еще решительнее и запер дверь перед самым ее носом.

– Все они одним миром мазаны! – с негодованием прошептала Ульрика и так резко опустилась в кресло, что последнее затрещало по всем швам.

К счастью, она ненадолго была предоставлена своим гневным мыслям, потому что слуга-араб отворил дверь и пропустил в комнату Зоннека; последний подошел к ней с приветливым поклоном.

– А, фрейлейн Мальнер! Я вижу, вы воспользовались моей рекомендацией. Где же ваша невестка?

Ульрика поздоровалась с земляком как с добрым товарищем, сильно потрянув его руку, и указала на запертую дверь.

– Там, у доктора. Он выслушивает ее легкие, а меня просто-напросто вытолкнул вон. Ваш хваленый доктор Вальтер не лучше других, несмотря на всю свою вежливость и любезность; как только с ним начинают говорить как с врачом, он становится грубияном. Все они одинаковы!

– Да, все одинаковы, – с улыбкой согласился Зоннек. – Но вы можете быть спокойны, доктор Вальтер пользуется большой известностью и считается авторитетом.

– Ах, отстаньте от меня с вашими авторитетами! – гневно крикнула Ульрика. – Довольно с меня и берлинского тайного советника. Если бы мой покойный Мартин узнал, что я шатаюсь с его вдовой по Африке, он трижды перевернулся бы в гробу!

– Должно быть, госпожа Мальнер вышла замуж очень молодой? – спросил Зоннек, садясь около разгневанной дамы.

– В семнадцать лет. Мы взяли ее в дом ребенком, бедной сиротой, потому что ее родители приходились нам дальними родственниками, а когда она подросла, мой брат вдруг вбил себе в голову женитьбу на ней. Я сначала не позволила.

– А вы, разумеется, имели решающий голос в доме, – заметил ее собеседник, почти не скрывая насмешки.

– Разумеется, Мартин ничего не делал без моего одобрения. Но он начал тосковать, потому что серьезнейшим образом влюбился в девочку, хотя у него давно уже были седые волосы. К тому же он все хворал, почти все управление имением было на моих руках, и я не могла быть еще и сиделкой. Поэтому я подумала-подумала да и решила, что, в конце концов, самое лучшее будет уступить.

– И молодая девушка согласилась?

– Согласилась? – повторила Ульрика с безмерным удивлением. – Полагаю, она на коленях благодарила Бога за великое счастье, которое Он послал ей, бедной сироте. Она просто растерялась, когда мы сказали ей, и расплакалась – от радости, разумеется. Впрочем, ей нелегко дались эти три года брака; мой покойный Мартин был не из терпеливых больных, и с ним приходилось день и ночь быть на ногах, а последний год она буквально не выходила из его комнаты. В общем, я ею довольна, она делала, что могла.

– А потом сама свалилась от переутомления?

В этом вопросе слышалось глубокое сострадание. Ульрика презрительно пожала плечами.

– Да. Где уж такому слабому существу выдержать подобное! Впрочем, она вовсе не так уж сильно была больна и скоро встала, только продолжала кашлять. И так она кашляла себе да кашляла, а потом явился этот великий авторитет, тайный советник, и началось несчастье, чистое несчастье, потому что нам пришлось ехать в Каир.

В последних словах слышались такой гнев и отчаяние, что Зоннек не мог сдержать улыбки.

– Кажется, вы смотрите на это, как на большую жертву со своей стороны, – заметил он. – Но вы ведь сами рассказывали, что Мартинсфельд – очень уединенное место, и вы почти лишены общества. Поэтому вам и особенно вашей молоденькой невестке, должно быть, приятно поехать по свету, поглядеть на чужие страны и на людей.

– Зельме? Ну, я не советовала бы ей привыкать к путешествиям! Неужели вы думаете, что я позволю вдове моего брата разъезжать по свету? Раз я уступила, потому что говорят, будто это необходимо для спасения ее жизни, но второй раз этого не будет!.. Весной мы вернемся в Мартинсфельд, с кашлем или без кашля – все равно; место Зельмы там, и она будет жить там до конца своих дней.

В эту минуту вернулся доктор со своей пациенткой. Поздоровавшись с Зоннеком, он обратился к Ульрике:

– Я совершенно согласен с моим коллегой; госпоже Мальнер, безусловно, необходимо провести зиму в Египте. В настоящее время она еще очень слаба и утомлена путешествием, а потому в течение нескольких недель я должен понаблюдать за ней здесь, в Каире, и лишь потом отправлю ее в один из климатических курортов на Ниле, по всей вероятности, в Луксор.

– Уж лучше прямо к ботокудам², – воскликнула Ульрика в ярости. – Зельма, ты сведешь меня в могилу своим кашлем! До Африки ты уже меня довела!

– Что же я могу сделать, милая Ульрика? – проговорила молодая женщина так смиренно, будто это в самом деле была ее вина. – Ты знаешь, что я этого не хотела.

– Конечно, ты не хотела, но доктора захотели, эти авторитеты, эти...

Ульрика проглотила дальнейшие любезности и только посмотрела на доктора уничтожающим взглядом.

Однако Вальтер встретил его с величайшим душевным спокойствием и хладнокровно заметил:

– Если вам так неприятно оставаться здесь, то ведь этого можно избежать. Нетрудно будет найти какую-нибудь пожилую даму, немку, которая согласится занять место компаньонки при госпоже Мальнер. Поиски я беру на себя. Итак, поезжайте с Богом назад в Померанию, ваша невестка прекрасно проживет здесь...

– Без меня? – воскликнула Ульрика, каменея от изумления и негодования. – Без меня? Что вы себе воображаете, доктор? Покойный брат на смертном одре поручил мне жену и взял с меня обещание не отходить от нее ни на шаг, а вы требуете, чтобы я оставила ее здесь, в другой части света! Или, может, быть, тебе этого хочется, Зельма?

– Конечно, нет! – стала уверять молодая женщина, бросая на строгую золовку полубо-язливый, полублагодарный взгляд. – У меня ведь нет никого на всем свете, кроме тебя. Не бросай меня!

– Будь спокойна, я останусь с тобой, – милостиво объявила старая дева, с торжеством глядя на доктора.

Тот лишь пожал плечами и произнес:

– Если госпожа Мальнер желает, чтобы вы оставались, то я, разумеется, ничего не имею против. Итак, послезавтра я навещу вас, а пока прошу в точности исполнять мои предписания. Вас же, многоуважаемая фрейлейн Мальнер, я попрошу заметить, что у вашей невестки в высшей степени слабый организм, требующий крайне бережного отношения. До свиданья! – Он проводил посетительниц до дверей, вернулся к Зоннеку, все время остававшемуся лишь безмолвным слушателем, и сказал со смехом: – Каких удивительных пациенток вы мне прислали! Эта воинственная старая дева из Померании, свирепо враждующая с докторами и бросающая нашему брату в лицо всевозможные оскорбления, – настоящая оригиналка!

– Оригиналка, – согласился Зоннек. – Она только и знает, что воюет с хозяином нашей гостиницы и с арабской прислугой. Мне уже не раз приходилось их мирить. А ее бедная невестка, по-видимому, совершенно безвольна; она у нее в полном подчинении. Она серьезно больна?

– Нет, несколько. Я могу подать ей полную надежду на выздоровление и надеюсь полностью поставить ее на ноги. Зато относительно другого больного, к сожалению, не могу сказать вам ничего утешительного. Вероятно, вы хотите узнать о здоровье Бернрида?

– Да, я затем и пришел. В каком он состоянии?

– В совершенно безнадежном. Я еще вчера знал это после осмотра в больнице, сегодня же утром убедился, что и на отсрочку нечего надеяться. Я даю ему, самое большее, сутки жизни, но, по всей вероятности, он умрет раньше, потому что силы его быстро иссякают.

– Умрет! – прошептал Зоннек, а затем, не владея собой, торопливо отошел к окну и прислонился лбом к стеклу.

– Вы принимаете в этом человеке особенное участие, – сказал Вальтер после короткого молчания. – Я заметил это еще вчера, во время нашего разговора. Вы знали его раньше?

Зоннек обернулся. По его лицу было видно, что приговор врача глубоко взволновал его.

² Ботокуды – почти истребленное племя Бразилии. В прошлом – бродячие охотники.

– Да, доктор, мы были когда-то друзьями, друзьями юности, пока не случилось то, что разлучило нас. Позвольте мне не объяснять, что это было, я не в силах рассказывать в такую минуту, и мне не хочется говорить ничего такого, что было бы похоже на обвинение. Мы много лет не виделись и лишь несколько недель тому назад встретились здесь, в Каире. Об образе жизни Бернрида я узнал достаточно – ведь он пользуется известностью в кругу спортсменов. Но, кажется, вы были ближе с ним знакомы? Я слышал, что вы часто бывали у него.

– Бывал, потому что лечил его супругу до самой ее смерти. Когда они приехали сюда три года тому назад, она была уже больна и умирала медленной смертью. Видно было, что в свое время она была очень красива, и говорили, будто Бернрид из-за нее разошелся со своими родными.

– Да, он ниспроверг тогда все, что мешало ему следовать влечению своей страсти. Если бы хоть эта страсть оказалась прочной! Это был счастливый брак?

– Не думаю. Муж редко прощает жене, что пожертвовал ради нее богатством и положением в обществе; как бы ни была она невиновна, рано или поздно, когда страсть поутихнет, ей придется поплатиться за это. Когда я познакомился с Бернридом, он был уже глубоко озлобленным человеком, в разладе с самим собой и со всем светом и ненавидел ту жизнь, которую вел, потому что она была его единственным источником существования. Боюсь, что он частенько вымещал свою злость на бедной жене. Только одно на земле он любил по-настоящему – своего ребенка.

Зоннек ничего не ответил и только молча кивнул головой, как бы желая сказать, что ожидал этого.

Доктор продолжал:

– Сколько раз я пробовал потом уговорить его поместить девочку в какую-нибудь немецкую семью. Что могло выйти из нее, если она большую часть дня, пока он проводил время в игорных домах да на ипподроме, была предоставлена невежественной няньке? Но все мои доводы были напрасны. Бернрид утверждал, что не может жить без ребенка, и, действительно, любит его с безумной нежностью. Мне кажется, он инстинктивно чувствовал, что лишь близость дочери еще предохраняет его от полного падения, и цеплялся за нее, как за спасательный круг.

– Я заходил сегодня утром в гостиницу, где он живет, чтобы взглянуть на ребенка, – заметил Зоннек глухим голосом, – но мне сказали, что вы уже были раньше и взяли его.

– Да, я передал малютку жене, всегда чувствовавшей к ней особое влечение, и она теперь у нас. Вы хорошо знаете близких Бернрида? Он был в этом отношении крайне скрытен и не говорил о своих родных, а между тем нам придется обратиться к ним.

– От Бернридов нечего ждать, – решительно сказал Зоннек. – Они с самого начала враждебно отнеслись к его браку и не признают ребенка, как не признали его матери; это надменный, гордый своими предками род. Я напишу дедушке девочки, профессору Гельмрейху, живущему в Кронсберге. Впрочем, может быть, Бернрид еще сам сделает какие-либо распоряжения. Он в сознании?

– До сих пор он приходил в сознание только на несколько минут, но я думаю, что перед смертью он придет в себя. Это часто бывает в таких случаях, и тогда он, без сомнения, потребует к себе ребенка.

Зоннек, видимо, боролся с собой несколько секунд, но потом сказал:

– Мне можно его видеть?

– Если хотите. Уже не стоит бояться его волновать, и, может быть, ваш приход будет последней радостью для человека, до которого никому больше нет дела. Вечером я опять поеду в больницу; приходите ко мне туда. Однако, пойдемте в сад; там жена и маленькая Эльза. Мне хочется показать вам девочку.

Спускаясь с лестницы, они встретили Рейнгарда Эрвальда; он условился с Зоннеком встретиться у доктора и тоже желал узнать, как себя чувствует человек, для которого вчерашнее поражение оказалось столь роковым. По приглашению доктора он присоединился к ним, и они вместе вошли в сад.

Сад при доме Вальтера напоминал маленький зеленый оазис среди моря городских домов. Здесь все цвело и благоухало с тропической роскошью и великолепием, а красиво накрытый для завтрака стол придавал месту необыкновенный уют и привлекательность. Жена доктора стояла у стола и заваривала чай, а вокруг весело бегала, играя с крошечной белой собачкой, девочка лет семи-восьми.

– Вот тебе два героя пустыни! – шутливо сказал доктор, подходя со своими гостями.

Госпожа Вальтер, еще молодая дама с тонкими, приятными чертами лица, встретила мужчин, с которыми была уже знакома, просто и приветливо и пригласила их позавтракать.

– К сожалению, я еще не имею ни малейшего права на титул, которого удостоил меня доктор, – садясь сказал Эрвальд. – Пока у меня есть только желание заслужить его.

– И нужная для этого отвага, что мы видели вчера на скачках, – прибавил Вальтер. – Поди сюда, Эльза! – обратился он к девочке, которая оставила игру и подошла, с любопытством глядя на незнакомых людей. – Дай ручку этому господину, это – друг твоего папы.

Малютка доверчиво протянула Зоннеку руку. Это была прехорошенькая крошка: стройная, изящная, как эльф, с розовым детским личиком, на котором блестели большие синие глаза. Распущенные белокурые волосы с легким рыжеватым оттенком падали на открытые плечики, судя по белизне которых никак нельзя было предположить, что ребенок уже несколько лет жил под африканским солнцем. Белое платье было отделано дорогими кружевами, а на шейке блестел золотой медальон тонкой арабской работы. Это воздушное маленькое существо казалось олицетворением жизни. Девочка была так очаровательна в эту минуту, когда, разгоряченная игрой, обеими ручками откинула волосы назад и с улыбкой повернула личико к незнакомому господину, что Зоннек почти со страстной нежностью притянул ее к себе и поцеловал.

Эльза спокойно разрешила этот поцелуй и сказала серьезным тоном, каким обычно говорят дети, сообщая что-нибудь важное:

– Мой папа уехал, но он скоро вернется, и дядя-доктор говорит, что он привезет мне что-то хорошее. Так ты знаешь моего папу?

– Да, дитя мое, – ответил Зоннек и, нагнувшись к ней, прибавил тихо, так что только она могла его слышать: – Я когда-то очень любил твоего папу, очень любил.

Эльза посмотрела ему в лицо. Она точно поняла, что крылось в этих словах, потому что вдруг сама, без просьбы, протянула этому чужому человеку свои розовые губки.

– Я тоже хочу получить ручку и поцелуй от своей маленькой соотечественницы, – сказал Эрвальд. – Я не согласен оставаться ни с чем. Поди же сюда!

Может быть, на Эльзу подействовал его шутливый, немножко повелительный тон или же ей что-то не понравилось в молодом человеке, только она не тронулась с места.

– Что же, Эльза? Разве ты не хочешь подать руку господину Эрвальду? – спросила докторша, но девочка тряхнула головой и весьма решительно проговорила:

– Нет!

Зоннек стал ласково уговаривать крошку, но напрасно; она соскользнула с его колен и стояла перед ним, как олицетворение упрямства. Она топала маленькой ножкой и сердито повторяла:

– Нет! Не хочу! Я не стану целовать его!

– Ого, как враждебно! – насмешливо сказал Рейнгард. – Так мне придется силой взять поцелуй, в котором мне отказывают.

Он протянул к девочке руки, но она мгновенно отскочила и побежала по саду. Молодой человек бросился за ней, и среди кустов и деревьев началась настоящая охота.

Крошка Эльза не давалась. Как стрела, летела она впереди Эрвальда, вдруг ныряя в кусты, появляясь совсем в противоположной стороне и неизменно ускользя всякий раз, когда он думал, что уже схватил ее. Белое платье и белокурые волосы развевались, ребенок мелькал между цветущими кустами, как большой белый мотылек, и Эрвальду было так же трудно поймать его, как настоящего мотылька. Но наконец он добился-таки цели и понес девочку назад к столу.

– Вот она! – с торжеством крикнул он, высоко подымая свою добычу. – Ну, ты будешь меня целовать, Эльза? Да или нет?

– Нет! – гневно крикнула малютка, напрасно стараясь вырваться. – Пусти! Немедленно пусти!

– Сначала поцелую! – смеясь возразил Рейнгард и, не взирая на сопротивление своей пленницы, поцеловал ее личико.

Девочка вскрикнула так громко и испуганно, будто ей сделали больно. Но в следующую секунду ее маленькая ручка сжалась в кулачок и так ударила молодого человека по лицу, что тот, пораженный, почти растерявшийся, выпустил ее из рук. Однако теперь Эльза уже не побежала, она стояла не шевелясь, и ее лицо совершенно утратило прежнее ясное, приветливое выражение. Руки были еще сжаты в кулаки, зубы стиснуты, и глаза, смотревшие на Рейнгарда, были уже не прежними детскими глазами, они странно, почти злоеюще сверкали, и он невольно вспомнил глаза Бернрида в ту минуту, когда тот мерил ими своего противника, делая последнее усилие, стоившее ему жизни.

– Как можно быть такой нехорошей девочкой, Эльза? Что подумает о тебе этот господин? – воскликнула докторша.

Тогда малютка повернулась, подбежала к ней, уткнулась головой в ее колени и разразилась громкими, горькими рыданиями, от которых судорожно вздрагивало все ее тельце.

– Это плоды отцовского воспитания или, вернее, отсутствие воспитания, – сказал Вальтер, но Зоннек слегка покачал головой.

– Нет, доктор, это отцовская кровь. Именно так дико, безудержно возмущался Бернрид, когда встречал сопротивление со стороны людей или обстоятельств, и дочь унаследовала от него эту несчастную черту характера.

– Не знаю, как быть с Эльзой на следующей неделе, – заговорила докторша, стараясь лаской успокоить все еще всхлипывавшую девочку. – Мы обещали поехать в Рамлей на свадьбу к нашим хорошим знакомым, и муж с большим трудом получил отпуск на неделю. Взять крошку с собой мы не можем; точно так же невозможно оставить ее одну с арабской прислугой. В настоящую минуту я не знаю никого, кому...

– Предоставьте это мне, – быстро перебил ее Зоннек. – Я попрошу фрейлейн фон Осмар взять ребенка и уверен, что она с удовольствием сделает это.

– Это, действительно, было бы хорошим выходом из затруднительного положения. Но понравится ли это консулу?

– Конечно. Он предоставляет дочери полную свободу в таких делах. Я ручаюсь, что он согласится.

– Только на неделю; потом я опять возьму мою милую крошку. Я с удовольствием совсем взяла бы ее себе, только едва ли это окажется возможным.

– Нет, потому что дед Эльзы, профессор Гельмрейх, в любом случае потребует ее. Правда, мрачный дом сурового старика будет грустным местом для такого жизнерадостного маленького существа, но едва ли он оставит свою внучку у чужих людей.

Зоннек произнес это, понизив голос, чтобы девочка не слышала его, но она не обращала внимания на разговор; Эльза уже успокоилась и утешилась куском торта, щедро делясь им с вертящейся около нее собачкой.

За столом завязался оживленный разговор, и только Зоннек был молчалив и казался рассеянным; то, что он узнал от доктора о Бернриде, удручающе подействовало на него. Эрвальд, напротив, блистал веселостью и разыгрывал роль любезного кавалера по отношению к докторше, которая так же, как ее муж, не могла не поддаться его обаянию. Наконец встали из-за стола. Зоннек условился с доктором относительно часа, когда они должны были встретиться в больнице, и ласково обратился к девочке:

– Ну, Эльза, прощай!

Эльза, очевидно, была наделена большой волей: насколько решительно она отвергала Эрвальда, настолько доверчиво относилась к своему пожилому другу. Она тотчас подошла, протянула ему руку и позволила на прощанье себя поцеловать.

– А теперь не помириться ли и нам, моя маленькая землячка? – шутливо спросил Рейнгард. – Правда, ты обошлась со мной из рук вон скверно, но я, так и быть, не буду сердиться на тебя.

Он сделал вид, что хочет подойти к Эльзе, но достаточно было этого движения, чтобы тотчас опять вызвать в девочке вражду. Она спряталась за Зоннека и испуганно и гневно крикнула:

– Пусть он меня больше не целует! Ты не позволишь ему, правда?

– Не позволю, не позволю, – успокоил ее Зоннек. – Оставь девочку в покое, Рейнгард, ты же видишь, она тебя боится.

– Боится? Вы очень ошибаетесь. Посмотрите только на эту крошку, у нее такой вид, точно она готова вступить со мной в бой не на жизнь, а на смерть. Что я тебе сделал, упрямец? Я ведь только поцеловал тебя!

Глаза девочки вспыхнули прежним странным огнем, и она страстно крикнула:

– Лучше бы ты меня ударил!

Рейнгард невольно отступил на шаг назад; его брови мрачно сдвинулись. Казалось, он почувствовал себя оскорбленным.

– Это не особенно лестно для тебя, – сказал Зоннек с легкой насмешкой. – Ты немножко избалован в этом отношении, и вдруг нашлась молодая дама, предпочитающая удар твоему поцелую! Намотай это себе на ус, Рейнгард.

Молодой человек громко рассмеялся, но его смех звучал несколько деланно, и при этом он бросил на девочку, не сводившую с него глаз, раздраженный взгляд.

– Ну, уж я постараюсь как-нибудь утешиться в своей неудаче, – ответил он, пожимая плечами, и повернулся к доктору и его жене, чтобы проститься с ними.

– Что это сегодня с Эльзой? – проговорила докторша, когда они остались одни. – Девочка всегда такая ласковая. Я никогда еще не видела ее такой.

Вальтер задумчиво смотрел на малютку, которая опять играла с собачкой.

– Боюсь, что Зоннек прав, и это – отцовская кровь, – серьезно сказал он. – Но не будем бранить за это крошку Эльзу, по крайней мере, сегодня, потому что, может быть, уже сегодня вечером она будет сиротой.

3

Неожиданный исход скачек и на следующий день был главной темой разговоров в каирском обществе. Все говорили о Фаиде германского консула, о Рейнгарде Эрвальде, о несчастном Дарлинге, которого пришлось пристрелить, но о его хозяине почти никто не вспоминал. Мнение, высказанное врачом сразу после происшествия, что падение не будет иметь тяжелых последствий, всем пришлось очень по душе, ведь это избавляло от труда думать о потерпевшем, и о его состоянии можно было осведомиться опять не раньше чем через несколько дней. Никому и в голову не приходило спрашивать о самочувствии больного или навестить его. У Бернрида в самом деле не было друзей в Каире; у него были только знакомые, поддерживавшие с ним отношения потому, что он все-таки был немецким бароном и завоевал известность в спортивном мире.

Его баронство было несомненным. Он был младшим сыном и происходил из древнего дворянского рода, одного из лучших в южной Германии. В молодости это был, казалось, настоящий баловень счастья. Красивый, богато одаренный способностями и прекрасными качествами, нужными для успеха в обществе, он привлекал все сердца. Он служил в полку, стоявшем в университетском городе, куда Зоннек был назначен доцентом, и там-то между ними и завязалась дружба.

Лотарь Зоннек, бывший всего на несколько лет старше, считался серьезным и замкнутым человеком. И тогда уже в его голове роились планы, которые он так блестяще осуществил впоследствии. Он был выходцем из бедной семьи, во время учения проявил железную волю и прилежание и теперь с тем же рвением относился к своему делу – словом, во всех отношениях был противоположностью молодому, жизнерадостному офицеру Бернриду, обладавшему громадными средствами. Но, может быть, именно это различие и сделало их друзьями.

Профессор Гельмрейх, тогда ректор университета, занимал как в университете, так и в обществе одно из первых мест. Он был дружен с отцом Зоннека и чувствовал отеческое расположение и к молодому человеку. Лотарь часто бывал в его доме, в котором подрастала единственная дочь, и очень может быть, что профессор втайне надеялся, что молодой, высокоодаренный человек, для которого он предвидел великолепное будущее, со временем станет ему еще ближе. Впрочем, ни с той, ни с другой стороны не было заметно глубокой привязанности, и отношения между молодыми людьми оставались чисто дружескими.

Зоннек ввел своего товарища в дом Гельмрейха и этим, сам того не подозревая, принес в него несчастье. Бернрид страстно влюбился в красивую девушку, дочь профессора, и в мгновение ока завоевал ее сердце, но – пожалуй, впервые в жизни – натолкнулся на непреодолимое препятствие в лице профессора. Родные Бернрида были известны как высокомерные, гордившиеся своим дворянством люди, а будущее младшего сына полностью зависело от отца; Гельмрейх предвидел бесконечную борьбу и унижения для своей дочери и решительно заявил, что не даст согласия до тех пор, пока молодой человек не добьется полного, безусловного одобрения родителей.

Бернрид знал, что это условие невыполнимо, потому что, уже не говоря о том, что родные никогда не согласились бы на такой брак, тут были затронуты еще и другие интересы. Так как родовые имения представляли майорат³ и переходили лишь к старшему сыну, то заранее были приняты меры к тому, чтобы обеспечить блестящее положение и младшему сыну; ему была обещана рука дальней родственницы, богатой наследницы, которая была тогда еще слишком молода, так что он мог жениться на ней лишь через несколько лет. О том, чтобы родные отказались от этого плана, не могло быть и речи.

³ Майорат – имение, переходящее в порядке наследования нераздельно к старшему в роде.

Зоннек, разумеется, был поверенным молодых людей и сделал все, что мог, чтобы образумить товарища и убедить его выждать, по крайней мере, хоть до тех пор, пока согласится профессор. Но это был глас вопиющего в пустыне. Избалованный счастьем молодой барон привык все получать сию же минуту. Получив резкий отказ отца вместе с приказанием тотчас ехать домой, чтобы положить конец «глупой истории», он не задумываясь прибег к насильственному средству. Он стал просить товарища помочь ему увидаться с любимой девушкой, с которой был разлучен строгим запрещением ее отца. Зоннек сдался очень неохотно и то лишь потому, что Бернрид уверил его, что хочет только проститься. Но он обманул доверие друга и нарушил слово; влюбленные воспользовались свиданием для того, чтобы бежать.

Происшествие наделало много шума в городе вследствие выдающегося положения профессора, и последний был почти сломлен ударом, налетевшим неожиданно, как гром, грянувший с безоблачного неба. Он и раньше был хмурым, суровым человеком, доходившим в своих понятиях о чести до жестокости, и вдруг его единственная дочь так поступила с ним! Полученная им через некоторое время просьба о прощении вместе с известием, что молодые люди обвенчались за границей, нисколько не изменила его взгляда на дело. Он отвергал все попытки к примирению, не отвечал ни на одно из писем дочери, не ответил и на последнее, в котором его уведомили о рождении ребенка. Дочь для него больше не существовала.

Родные Бернрида выказали такую же непримиримость. Отец не простил непокорному сыну самовольного шага, а особенно того, что он разбил его надежды, и отказался от него. Со своей стороны барон был слишком горд и упрям, чтобы просить прощения за поступок, который он считал лишь осуществлением своего права на свободу. Он резко ответил на заявление родных о том, что они отрекаются от него, и разрыв состоялся.

Само собой разумеется, молодую чету лишили всякой поддержки, но на первый год хватило наследства, которое Бернрид получил от дальней родственницы. Пожалуй, его было бы достаточно для того, чтобы начать скромную, но обеспеченную жизнь, принявшись за какое-нибудь дело, однако Бернрид, выросший в богатстве и никогда не знавший нужды, и не подумал так употребить деньги. Он продолжал жить с женой так, как привык, а когда капитал с непостижимой быстротой исчез, начал жизнь авантюриста, переезжая с женой и ребенком с места на место, пока не попал в Каир, где его жизненному поприщу суждено было так внезапно закончиться.

Немецкая больница находилась в предместье, среди садов и вилл; сюда не долетал шум города, и здание имело очень мирный и веселый вид, как будто в его стенах царили покой и счастье.

Был уже вечер, когда Зоннек шел через сад, направляясь к больнице. Он попросил вызвать доктора Вальтера, и тот тотчас вышел к нему.

– Вы как раз вовремя, – сказал он. – Я только что отправил экипаж в город за маленькой Эльзой, потому что... конец приближается. Я уже утром опасался, что Бернрид не доживет до ночи; вместе с тем оправдалось и другое мое предположение: он в полном сознании. Я предупредил его о вашем приходе, и он желает видеть вас. Пойдемте!

Они вошли в простую, но приветливого вида комнату. Около кровати сидела сестра милосердия; доктор шепнул ей несколько слов, и она вышла. Зоннек тихо подошел и нагнулся над больным.

– Людвиг! – произнес он вполголоса, но в этом одном слове выразилась вся боль этого печального свидания.

Бернрид, еще вчера полный сил и бурно возмущавшийся против возможности потерпеть поражение, лежал теперь бледный и неподвижный, но в его лице уже не было горького, ожесточенного выражения; здесь все было кончено так же, как и в его жизни.

– Лотарь! – проговорил он слабым голосом. – Теперь ты пришел?

Зоннек понял упрек и опустил глаза. Он хотел говорить, но Бернрид жестом остановил его.

– Не надо, ты ведь был совершенно прав, но мне было больно. С тех пор, как... моя жизнь пошла под гору, я испытал много горького и унижительного, но самым горьким был все-таки тот момент, когда ты прошел мимо, делая вид, что не узнаешь меня.

– Если бы я знал, что ты нуждаешься в друге, то пришел бы, – возразил Зоннек глухим голосом. – Я не подозревал, что ты одинок среди такого множества людей.

– Одинок! Совершенно одинок! У меня нет никого, кроме... – Больной повернул голову к доктору, стоявшему по другую сторону кровати. – Эльзы еще нет? До сих пор?

– Она будет здесь через десять минут, – успокоил его доктор. – Я сейчас же приведу ее к вам.

Зоннек сел и взял руку умирающего. Последний, по-видимому, совершенно не страдал, но его взгляд, устремленный на бывшего друга, выражал страх и беспокойство.

– У меня есть ребенок, Лотарь, единственный, – прошептал он. – Что с ним будет, когда я умру?

– Я знаю, я видел твою девочку сегодня утром, – сказал Лотарь, с трудом справляясь с волнением. – О, с какой радостью я взял бы ее к себе и заботился бы о ней! Но ты ведь знаешь, что у меня нет ни кола ни двора. На днях я опять уезжаю и вернусь, может быть, лишь через несколько лет. Но твоя крошка не останется без крова, ведь у нее есть дед.

– Гельмрейх? Он не простил мне и дочери... он не будет любить и нашего ребенка.

– Ты несправедлив к нему. Ведь это – дитя его покойной дочери, которую он все-таки любил больше всего на свете. Это – его внучка, его плоть и кровь, и она очень быстро завоеует его сердце. Но, если ты желаешь, чтобы я обратился к твоим родным...

– Нет, только не это! – возбужденно перебил его Бернрид. – Неужели моя дочь будет из милости есть хлеб людей, отрекшихся от ее отца? Обещай, что ты не будешь делать попыток...

– Не волнуйтесь! – озабоченно вмешался доктор. – Все будет сделано так, как вы хотите.

Короткая лихорадочная вспышка истощила силы умирающего. Он опустил голову на подушку и лежал не шевелясь с закрытыми глазами.

Дверь отворилась, и вошла сестра милосердия, ведя за руку Эльзу. Девочке сказали, что ее папа вернулся больным, и она должна быть умницей и не шуметь, если хочет видеть его. Она обещала, но когда увидела отца, бледного, с закрытыми глазами и с забинтованной головой, то у нее появилось предчувствие чего-то ужасного. Прежде чем сестра могла помешать ей, она вырвалась, подбежала к постели и от испуга сквозь рыдания закричала:

– Папа! Папа!

Услышав этот голос, Бернрид вздрогнул и открыл глаза. У него еще хватило сил протянуть руки и привлечь ребенка к себе на грудь, ведь это было единственное в мире, что он по-настоящему любил.

– Твой папа очень болен, Эльза, – сказал Вальтер вполголоса. – Не плачь и не говори громко, потому что ему будет от этого больно! Если ты будешь вести себя так, как я говорю, то можешь остаться с ним.

Девочка испуганно взглянула на него большими, полными слез, глазами, но его слова подействовали. Она храбро проглотила слезы и сказала трогательно-искренним голосом:

– Я буду говорить совсем-совсем шепотом и не стану плакать, только оставьте меня с папочкой!

По лицу Бернида пробежала последняя улыбка. Он заговорил с дочерью; это был лишь шепот, слабый, прерывающийся, но он, видимо, успокоил девочку, ведь отец говорил с ней с обычной нежностью, по-прежнему называл ее своей милой, дорогой крошкой, и это заставило ее забыть печальное зрелище. Она обвила ручками его шею и принялась тихонько болтать. Она рассказывала ему, что живет теперь у дяди-доктора и останется у него, пока папа не выздоров-

веет совершенно и не вернется к ней, рассказывала о доброй тете Вальтер, о красивом саде, о белой собачке.

Милый, ласкающий ухо детский голосок убаюкивал умирающего, как сладкая, постепенно замирающая мелодия. Сначала он слушал и понимал слова, и его глаза не отрывались от лица дочери, но потом его веки устало опустились, и мелодия начала звучать все тише, доноситься все более издалека. Она провожала его в вечность.

– Конец приближается, – прошептал доктор Зоннеку. – Но борьбы не будет. Пусть девочка остается при нем; если он что-нибудь еще чувствует, то это ее близость. Не шевелись, Эльза! Видишь, папе хочется спать; не буди его!

Малютка серьезно и рассудительно кивнула головкой и осторожно прижалась теплым розовым личиком к холодеющей щеке умирающего отца.

Глубокая тишина царила в комнате, наполненной сиянием заходящего солнца. Зоннек стоял не шевелясь, крупные слезы медленно катились по его щекам. Он смотрел на друга, которого знал молодым и счастливым, один-единственный ложный шаг которого бросил его в пучину тревожной, беспорядочной жизни и к которому теперь приближалась избавительница-смерть.

– Конец! – тихо проговорил Вальтер, прикладывая руку к груди мертвого, в которой больше не ощущалось признаков жизни.

Маленькая Эльза подняла головку и со счастливой улыбкой посмотрела на мужчин.

– Папа заснул! – прошептала она.

Зоннек нагнулся, взял девочку на руки, крепко прижал к себе и проговорил прерывающимся голосом:

– Да, Эльза, он спит... И это хорошо для него, очень хорошо! Оставим его спать!

4

Германский генеральный консул фон Осмар был в Каире очень видным человеком. В силу своего служебного положения он был главой немецкой колонии, а богатство и многочисленные связи в высших сферах делали его влиятельной личностью. В его превосходном гостеприимном доме собирались сливки общества; в нем появлялся каждый более или менее именитый иностранец, и быть принятым в этом доме считалось честью.

Осмар овдовел много лет тому назад и не женился вторично из любви к дочери, не желая навязывать ей мачеху. Он был рад, что она еще не выказывает желания выходить замуж и совершенно равнодушна к многочисленным поклонникам, окружающим ее, красивую и богатую девушку; он ничего не имел против того, чтобы отсрочить разлуку с дочерью на возможно продолжительное время.

Осмар сидел в своем кабинете с лордом Марвудом, пришедшим с полчаса тому назад. Разговор шел, очевидно, о серьезном предмете, потому что лорд, вопреки обыкновению, говорил много и обстоятельно и в настоящую минуту выжидательно смотрел на консула.

Тот выслушал его спокойно и внимательно и так же спокойно ответил:

– Я давно заметил, что целью ваших посещений является моя дочь, а сообщенные вами сведения о вашей семье и состоянии вполне удовлетворяют меня. Но здесь дело прежде всего в согласии Зинаиды. Я предоставляю ей полную свободу следовать влечению своего сердца, но, говоря откровенно, до сих пор не замечал, чтобы она питала к вам какое-то чувство.

– Я еще не пытался объясниться с мисс Зинаидой. Я полагал, что корректность требует, чтобы я обратился сначала к вам и попросил вашего согласия и содействия.

– Совершенно верно, и я ценю ваше доверие, но у моей Зинаиды своевольная романтическая головка; она рисует себе мир и жизнь совсем иными, чем они есть в действительности. Она хочет, чтобы ее любили и добивались ее любви. Если отец, передав ей самое прозаическое предложение, станет ходатайствовать за претендента, то она наверняка ответит отказом. Я это знаю; я не раз бывал в таком положении, и именно потому, что мне не хочется, чтобы вы потерпели неудачу, я советую вам поступить иначе.

Марвуд поморщился, ему указывали путь, который он, при всем желании, не мог избрать, потому что романтизм был несвойствен ему. Он знал, что, благодаря своему богатству и положению в свете, представляет блестящую партию даже для такой избалованной поклонниками девушки как Зинаида фон Осмар. Он как нельзя более корректно обратился со своим предложением к отцу и ожидал такого же корректного ответа, и вдруг, к его удивлению, оказалось, что консул относится к замужеству дочери совершенно не так, как это принято в высших кругах английского общества. Наконец он произнес:

– Я желал бы пока только быть уверенным, что вы принимаете мое предложение и что я не встречу препятствия в виде... склонности мисс Зинаиды к кому-нибудь другому.

– Относительно этого я могу вас успокоить, – уверенно заявил Осмар. – Я не замечал, чтобы Зинаида отдавала предпочтение кому-нибудь из общества.

– Понятие «общество» может быть очень расширено, что, кажется, мисс Зинаида и делает.

В этих словах лорда слышалось такое явное раздражение, что консул, с удивлением взглянув на него, произнес:

– Что вы хотите сказать? Вы как будто имеете в виду какое-то совершенно определенное лицо. Будьте любезны высказаться яснее. Я понятия не имею, на кого вы можете намекать.

– Я вижу это и заранее прошу извинить, если это будет для вас не совсем приятным открытием. В вашем доме часто бывает господин Зоннек.

– Совершенно верно! Он – один из моих ближайших друзей. Но едва ли вы можете подозревать его.

– Нет, не его, а его фаворита, который всюду бывает с ним и мастерски воспользовался тем, что доставил победу вашей Фаиде.

Озадаченный Осмар с минуту молчал, но затем громко расхохотался.

– Эрвальд? Очевидно, ревность сыграла с вами злую шутку, милорд! У этого человека в голове только истоки Нила да приключения, которые ждут его в центральной Африке. Он с большим нетерпением ждет отъезда, чем сам Зоннек, и мечтает только о романтизме своей экспедиции в пустыню. Даю вам слово.

– И это делает его интересным в глазах мисс Зинаиды, – настойчиво возразил Марвуд. – Вы только что сами сказали, что она расположена к романтизму.

– Вздор! Моя дочь с удовольствием слушает, когда Эрвальд говорит о своих планах, но так же охотно слушает и Зоннека, когда тот рассказывает о своих путешествиях. О личном интересе тут нет и речи. Вам померещилось, милорд!

– Дай Бог, – холодно сказал Марвуд. – Во всяком случае я попросил бы вас ближе присмотреться к мисс Зинаиде в то время, когда она беседует с этим... дерзким авантюристом, который, кажется, воображает, что для него нет ничего недостижимого. Конечно, он рассчитывает на то, что из любви к единственной дочери вы одобрите даже такой выбор.

– Ну, это мы бы еще посмотрели! – взволнованно перебил его Осмар. – Если я сказал, что предоставляю дочери свободу следовать своей склонности, то имел в виду, разумеется, лишь приличный выбор, а этого молодого человека, о происхождении и прошлом которого даже сам Зоннек имеет лишь самое поверхностное представление и у которого нет гроша за душой, в этом отношении невозможно серьезно принимать в расчет. Ради Зоннека я допустил его в свой дом и этим открыл ему доступ в здешнее общество, но надеюсь, что его желания не пойдут дальше, иначе мне придется напомнить ему, что существуют границы, которые он не должен переступать.

Марвуд с удовольствием убедился, что его предостережение, произвело желаемое действие, и пока удовлетворился этим; разжигать страсти и придирааться было не его делом; он считал себя слишком важным аристократом для этого. Он счел нужным только устранить дерзкого авантюриста и, по-видимому, достиг цели: Осмар почувствовал беспокойство, хотя не считал удобным признаваться в этом.

– Впрочем, не стоит тратить слова из-за того, что само собой скоро закончится, даже если предположить мимолетное романтическое увлечение со стороны моей дочери, – снова заговорил он. – Встречи, которые беспокоят вас, прекратятся, потому что на следующей неделе мы уезжаем в Луксор, в мое имение. Я немножко заработался и чувствую последствия переутомления. Надеюсь, что Луксор поможет мне привести в порядок мои расшатанные нервы, а когда мы вернемся – ни Зоннека, ни Эрвальда уже не будет в Каире. Вам же, милорд, я хочу дать возможность лично сделать предложение. Вам угодно быть нашим гостем в Луксоре?

Марвуд приподнялся, приятно изумленный.

– Об этом и спрашивать нечего; я чрезвычайно благодарен вам за приглашение.

– Остальное – уже ваше дело. Но мне хотелось бы дать вам еще один совет. Не торопитесь! У вас ежедневно будет возможность говорить с моей дочерью, но, повторяю, Зинаида хочет, чтобы ее любви добивались. Приступайте к объяснению лишь тогда, когда будете уверены в успехе. Все, что я могу сделать со своей стороны, будет сделано.

Сказав это, консул протянул руку молодому лорду, и тот схватил ее с необычайной живостью. Рукопожатие скрепило союз, которым оба были чрезвычайно довольны.

Оставшись один, Осмар позвонил и спросил, где его дочь. Лакей доложил, что барышня уехала час тому назад с Зоннеком и Эрвальдом. Консул нахмурился, хотя вспомнил, что об этой поездке говорилось еще накануне; Зоннек открыл какую-то древнюю мечеть и хотел показать

ее молодой девушке. Осмар, лично вовсе не охотник до арабских зданий и надписей, ничего не имел против поездки, лишь бы его не тащили с собой. Но с ними, как всегда, был Рейнгард! Что, если он в самом деле питает смелые надежды, как намекал лорд Марвуд?

Консул начал тревожно ходить из угла в угол. Теперь, когда на это обратили его внимание, ему вспомнилось многое, чего он раньше не замечал. В этом Эрвальде, в котором жизнь была через край, действительно, было что-то обаятельное, и он совершенно не походил на других молодых людей, а Осмар хорошо знал пристрастие дочери ко всему незаурядному. Пожалуй, дело было не так уж невинно, и ввиду этого сватовство Марвуда приобрело для консула еще большее значение. Впрочем, Осмар и без того покровительствовал бы этому предложению, партия была, несомненно, прекрасная, и Зинаида играла бы первую роль в английском обществе, как леди Марвуд. Теперь же было необходимо при помощи приличного брака предупредить глупость, которую можно было ждать с ее стороны, и это имело для консула решающее значение; он был намерен употребить в дело весь свой отцовский авторитет.

5

Зинаида отправилась с Зоннеком и Эрвальдом на условленную прогулку. Мечеть стояла далеко, в арабской части города, и только через полчаса езды они добрались до входа, скрытого в узкой улице. Это было одно из самых древних и величественных зданий Каира, давно уже не служившее для религиозных целей и превратившееся в руины. Обширный двор был залит лучами заходящего солнца; красноватый свет, падая сквозь подковообразные окна мечети, трепетными бликами играл на выветрившихся колоннах, древней мозаике и полустертых надписях. Здание было погружено в глубокое молчание, только стая белых голубей, гнездившихся в аркадах, вспорхнула при звуке шагов.

Зоннек сидел у подножия одной из колонн с альбомом на коленях и срисовывал почти развалившийся, но крайне живописный фонтан, расположенный посередине двора. Между аркадами мелькали светлое платье Зинаиды и высокая фигура Рейнгарда. Зоннек не мешал им бродить; наконец они вышли из-под сумрачных сводов и подошли к нему.

– Ну, Зинаида, – сказал он, как всегда, называя ее по имени, так как был в отечески-дружеских отношениях с дочерью своего приятеля, – не правда ли, я был прав, говоря, что стоит взглянуть на эту древнюю мечеть? Кажется, вы с Рейнгардом не можете наглядеться.

– Это справедливо только относительно меня, – смеясь, возразила девушка. – Правда, господин Эрвальд, как рыцарь, не покидал меня, но я боюсь, что он безбожно скучал; он далеко не разделял моих восторгов, и мне пришлось даже выслушать несколько поистине еретических замечаний.

– Я только сказал, что не особенно чувствителен к мертвому прошлому, – стал оправдываться Рейнгард. – Меня привлекает только живое, то, что еще полно сил. Однако, мы помешали вам работать?

– Нет, я закончил, – сказал Зоннек и хотел захлопнуть альбом, но Зинаида протянула к нему руку.

– Дайте мне взглянуть. Как вы быстро это сделали! Вообще, Каир значительно обогатил ваш альбом. Ах, какая прелесть! Наша маленькая Эльза как живая! Посмотрите, господин Эрвальд, – и Зинаида показала одну из страниц молодому человеку.

Это был лишь наскоро сделанный набросок карандашом, но он удивительно живо воспроизводил головку ребенка.

– Кажется, будто маленькая упрямица вот-вот заговорит, – согласился Эрвальд. – Я думаю, господин Зоннек, что если бы вы не стали знаменитым исследователем Африки, из вас вышел бы знаменитый художник.

– Разве только хороший рисовальщик, не больше, – спокойно возразил Зоннек. – Что касается девочки, Зинаида, то вы уж слишком далеко заходите в своей доброте, я просил вашего гостеприимства для нее лишь на неделю, пока не вернется Вальтер, а прошло уже три недели...

– И я все не отдаю ее, – шутливо договорила Зинаида. – Нет, не отнимайте у меня моей любимицы! Вы должны оставить ее у меня до ее отъезда, а это, к счастью, будет еще не скоро.

– Да, потому что преклонные лета и плохое здоровье не позволяют Гельмрейху приехать самому. Я обещал ему отправить его внучку не иначе как с надежным человеком, а такой случай представится лишь через несколько недель. Я уже говорил вам, что один из наших миссионеров, находящийся в настоящее время в Луксоре, возвращается в Германию и согласен взять ребенка под свое покровительство.

– Поэтому я и хочу взять Эльзу с собой в Луксор; отец говорит, что лучше там же передать ее пастору. Мне очень не хочется отпускать эту крошку, она привязалась ко мне всем своим маленьким сердечком.

– Но вы донельзя балуете ее, – вмешался Рейнгард. – Это красивый ребенок, но в то же время своенравнейшее существо, какое только мне случалось видеть.

– Только по отношению к вам, – сказала Зинаида с упреком. – И вы сами в этом виноваты, вы только и знаете, что дразните и мучаете девочку.

– Меня забавляет то, что такая крошка не может простить мне взятый силой поцелуй. Стоит мне появиться, чтобы она уже приняла воинственный вид, и это подзадоривает меня опять сцепиться с ней.

– Тебе вообще подзадоривает всякое сопротивление, даже со стороны ребенка, – заметил Зоннек. – Того, что тебе дается без труда, ты не ценишь. Впрочем, малютка, действительно, отличается необыкновенной горячностью как в любви, так и в антипатии. В какое страстное отчаяние пришла она, когда мы вынуждены были сказать ей, что ее отец умер! Ее горе далеко превосходило все, чего можно было ожидать от ее возраста. Однако пойдёмте на минарет, а то мы пропустим закат.

Он указал на минарет в западной части двора, полуразрушенный, как все кругом, но с сохранившейся витой наружной лестницей. Сверху открывался обширный вид.

Красный шар солнца стоял уже над самым горизонтом, но все еще заливал землю светом и зноем. Лежащий глубоко внизу город и могучий Нил, текущий медленно и величаво, тонули в горячих волнах багряного света. За морем домов расстилалась безграничная, необозримая, мертвая пустыня. Вдали в золотистой дымке отчетливо вырисовывались пирамиды.

– Вот наша дорога, – сказал Зоннек, указывая на юг. – Мы поднимемся по Нилу до порогов, а оттуда двинемся сухим путем.

– Но когда это будет? – горячо заговорил Эрвальд, – Сколько недель уже мы сидим здесь, как прикованные, и каждый день нас обнадеживают и опять задерживают. Просто можно прийти в отчаяние!

– Неужели вас так мало привлекает наш красавец Каир? – спросила Зинаида шутливо, но в этом вопросе и во взгляде ее прекрасных темных глаз чувствовался упрек.

Рейнгард не понял ни того, ни другого.

– Да ведь я не для того здесь, чтобы любоваться красотами Каира, – возразил он недовольным тоном. – Нас ждут великие задачи, и я только ради них выношу эту вынужденную праздность. Я не понимаю терпения господина Зоннека! Я бы уже давным-давно отправился в путь, ведь средства нам ассигнованы, их должны нам выдать, и, раз мы будем уже в пути, нас не смогут бросить на произвол судьбы.

– Ты в этом уверен? – спокойно спросил Зоннек. – Беда мне с этим горячкой, Зинаида! Он вечно старается прошибить стену лбом. Он готов хоть сейчас отправиться на собственный страх и риск, не заботясь о том, еду ли я вслед за ним.

– Нет, я не до такой степени неблагодарен, – возразил Рейнгард, – но, действительно, часто мечтаю, как хорошо было бы вскочить на лошадь и умчаться в пустыню, ехать все дальше и дальше, навстречу счастью, которое скрывается там, вдали, и которое я должен настичь.

– И которого ты никогда не достигнешь, – прибавил Зоннек с ударением. – Берегись, ты гонишься за миражем! Ты не знаешь древней саги пустыни?

– За миражем! – мечтательно повторила Зинаида. – Вы видели его когда-нибудь, господин Зоннек?

– Не раз. Его редко случается видеть, но такие скитальцы по белому свету, как я, хорошо знакомы с ним. И ты еще познакомишься с ним, Рейнгард, а также с джинами, коварными духами пустыни. Далеко на горизонте они покажут тебе страну твоей мечты, сказочную лучезарную землю, недостижимую для смертного. Чем настойчивее ты будешь гнаться за ней, тем дальше будет она отходить от тебя и навсегда останется в бесконечной дали. Когда же ты, наконец, упадешь в изнеможении, обманчивый образ насмешливо растает перед твоими глазами... Берегись!

Молодой человек понял скрытый смысл его слов, но в порыве задора только выше поднял голову.

– Я не боюсь джинов Востока и готов посостязаться с ними. Наш немецкий сказочный мир тоже кишит ведьмами и разной нечистью. В детстве ничто не интересовало меня так, как сказки о драконах и чародеях, которые живут на вершинах скал или гнездятся в пещерах и пропастях и грозят гибелью каждому, кто приблизится к ним. Но в конце концов всегда находится такой смельчак, который пробирается сквозь пламя и всякие опасности и бесстрашно хватает чудовище. Тогда покрывало спадает, мрачное чудовище превращается в светлый образ красоты, чары рушатся, и из бездны встает роскошное заколдованное царство. Отчего же мне не быть этим смельчаком?

– Какая скромность! – насмешливо проговорил Зоннек. – Как вам это нравится, Зинаида? Он без церемонии берет на себя роль сказочного принца!

Глаза Зинаиды не отрывались от лица молодого мечтателя; она ответила вполголоса, как будто бессознательно:

– Я думаю, что эта роль по плечу господину Эрвальду.

– Я крайне польщен! – со смехом сказал Рейнгард, шутливо кланяясь. – Постараюсь оправдать ваше доверие. За мной дело не станет, а трудов и опасностей тоже будет, надо полагать, вдоволь. Кто знает, может быть, мне удастся завоевать сердце одной из прекрасных фей Востока и вместе с ней получить волшебное царство фата-морганы⁴.

Солнце зашло, и алое зарево на западе начало бледнеть. Ветер, поднявшийся при закате солнца, довольно сильно чувствовался здесь, наверху. Зоннек предложил спуститься.

– Пора уходить, становится свежо, а вы легко одеты, Зинаида. Только осторожнее, ступеньки очень разрушены. Хотите, я вам помогу сойти?

Вопрос был излишен – Эрвальд уже предложил девушке руку. Ее ноги достаточно твердо ступали по выветрившимся ступеням, а при взгляде вниз голова не кружилась, но она не отказалась от предложенной помощи, и ее рука крепко оперлась на руку Рейнгарда, а щеки порозовели. На губах Зоннека, шедшего сзади, играла легкая улыбка, в то время как глаза были устремлены на спускавшуюся пару.

Обширный, безлюдный, уже темный двор мечети был полон ночного покоя, но за воротами ее посетителей снова ждала шумная, кипучая жизнь Каира. Когда их экипаж остановился у дома Осмара, мужчины простились с молодой девушкой и пошли пешком в свою гостиницу.

Уже стемнело, но до обеда оставался еще целый час, и Зоннек, не любивший сидеть в комнатах, отправился со своим спутником на плоскую крышу дома, превращенную с помощью стульев и декоративных растений в террасу. Здесь никого не было, и они могли спокойно беседовать.

Разговор зашел о предстоящей экспедиции. Рейнгард опять стал придумывать меры для того, чтобы ускорить дело, но Зоннек только качал головой.

– Все это неисполнимо, – сказал он. – Тут остается только запастись терпением и ждать. И чего ты так рвешься вперед? Каир должен был бы привлекать тебя больше, чем кого бы то ни было, и, кто знает, когда дело дойдет до отъезда, пожалуй, именно ты захочешь, чтобы он был отложен.

– Я? Никогда! Что может привлекать меня здесь?

– Станный вопрос! Неужели ты в самом деле не видишь? Или ты не хочешь видеть, что стоит тебе протянуть руку – и весь Каир будет тебе завидовать?

– А если бы и видел? Разве вы считаете счастьем быть мужем богатой женщины?

⁴ Фата – Моргана – фея Моргана – разновидность миража.

– Нет, – серьезно ответил Зоннек. – Но быть мужем прелестной, достойной любви женщины, которая будет любить тебя всей душой, это – счастье. Что касается богатства и блеска, которые окружают ее, то они совершенно не мешают.

Прошло несколько секунд. Рейнгард молчал. Наконец он вполголоса спросил:

– А господин фон Осмар? Вы думаете, ему придется по душе такой жених, как я, если бы даже Зинаида решила принадлежать человеку, который вечно будет оставлять ее и, проведя с ней каких-нибудь несколько месяцев, снова пускаться в дальние странствия?

Зоннек с красноречивой улыбкой пожал плечами.

– Ты спрашиваешь? Попробуй! Медлить и раздумывать обычно не в твоих привычках. Впрочем, это жребий каждой жены моряка, и с вашими характерами это единственное, что может обеспечить вам прочное счастье. Вы оба не вынесете обыденной, будничной, мирной супружеской жизни; разлука же и опасности будут постоянно придавать вашей любви новую прелесть, каждое свидание будет медовым месяцем. Впрочем, к чему рассуждать? Весь вопрос в том, любишь ли ты Зинаиду.

Рейнгард сел и опустил голову на руки.

– Не знаю, – медленно проговорил он. – Я никогда не задавал себе этого вопроса.

– Так задай его теперь и тогда говори или... молчи. Я не хочу оказывать на тебя давление, но натура, подобная твоей, требует узды; ей необходимо где-нибудь прочно осесть, чтобы не заблудиться в безграничном просторе. Ты мечтаешь о сказочном, безмерном счастье, таящемся где-то в бесконечной дали, и не видишь того, что прелестная действительность стоит перед тобой и протягивает тебе руку... Решайся! Ты еще можешь выбирать.

Он встал, собираясь идти вниз. Рейнгард ничего не ответил и не пошел за ним. Слова Зоннека произвели на этот раз впечатление. Минут десять молодой человек сидел не шевелясь, потом встал и подошел к балюстраде.

Снизу доносился городской шум, который к вечеру, казалось, еще усилился; везде сверкали огни. Над Нилом стоял мрак, но на небе горели звезды; они казались гораздо крупнее и гораздо ближе, чем на севере, на далекой родине Эрвальда. Эта полная тайн, сверкающая звездами восточная ночь дышала опасными чарами, и Рейнгард чувствовал, что поддается ее обаянию. Прекрасное лицо с темными тоскливыми глазами, только что стоявшее перед ним, потускнело и исчезло, а его взгляд затерялся в звездной дали. Он мечтал... мечтал о фата-моргане.

6

По Муски, самой оживленной торговой улице Каира, двигалась плотная, пестрая толпа, наполняющая ее ежедневно с самого раннего утра и до поздней ночи. Под навесами лавок, тянувшихся непрерывным рядом по обе стороны, приценивались и торговались покупатели, не заботясь о людском потоке, который, проносясь мимо, немилосердно теснил и толкал их. Серьезные, с достоинством шествующие фигуры мужчин с ниспадающими на грудь бородами и в тюрбанах на бритых головах, женщины в волочащихся синих одеяниях, под покрывалами с прорезями для глаз, черные и коричневые люди, выкрикивающие названия всевозможных товаров, с трудом пробирающиеся экипажи, фыркающие, взвывающиеся на дыбы лошади, высоко нагруженные верблюды, верховые ослы с проводниками, во всю силу легких выхваляющими своих разукрашенных бляхами животных, шум, давка, часто представляющая опасность для жизни на такой узкой улице, и ко всему этому полуденное солнце, обжигающее, как в разгар лета, несмотря на зиму, – от этого зрелища кружилась голова, и тем не менее невозможно было оторвать от него глаз.

У входа на базар, где давка была больше всего, появилась высокая, худая фигура, энергично пробивавшая себе дорогу плечами и локтями; дама потрясала над головой огромным зонтиком, как бы подавая сигналы о случившемся несчастье, и кричала громким, пронзительным голосом: «Зельма! Зельма!» Ее крики бесследно тонули в шуме улицы, и никто не обращал на них внимания – ведь здесь все кричали и вопили, только один господин оглянулся и, остановившись, произнес:

– Здравствуйте, фрейлейн Мальнер!

– Доктор Вальтер! – воскликнула Ульрика, пробиваясь к нему и цепляясь за его руку. – Слава Богу, что я вас встретила! Вы должны помочь мне! Я потеряла невестку, ее оттеснило толпой!..

– А-а! – с удивлением произнес Вальтер, но Ульрика с обычной бесцеремонностью оборвала его:

– Это всякий может сказать: «А-а!» Вы должны помочь мне искать!

– Это тоже всякий может сказать, – сухо возразил доктор. – Будьте любезны объяснить, где вы потеряли свою невестку.

– Там! – указала Ульрика в сторону входа на базар. – Мы стояли на углу. Тут появилась одна из этих дурацких свадебных процессий, где видишь все, что угодно, только не невесту, которая, казалось бы, должна быть главным лицом. Все мчатся мимо, толкаются, и вдруг Зельма исчезла. Я кричу, зову, бегу назад на базар – нигде нет, как в воду канула!

– Значит, она где-нибудь на Муски.

– Но уже не живая! Ее задавили, переехали!.. Ведь в этой проклятой суматохе нельзя поручиться за свою жизнь, а Зельма без меня беспомощна, как ребенок! Вот что значит слушаться докторов и ехать в Африку из-за кашля! Если бы это знал мой покойный Мартин! Зельма! Зельма!

– Крик ни к чему не приведет; вашего голоса и за два шага не слышно. Ищите в той части улицы, а я – в этой, и мы сойдемся опять у базара. Если только госпожа Мальнер еще здесь, то мы ее найдем.

Ульрике понравился этот план. Она поспешно направилась в указанную сторону, а доктор, не прощаясь, двинулся в противоположную. Он уже давно проявлял в обращении с этой дамой ту же бесцеремонность, какую она позволяла себе по отношению к нему, и едва ли снизошел бы до исполнения ее требования, если бы речь шла не о его пациентке, беспомощность которой была ему хорошо известна.

Зельма, действительно, стояла на Муски, растерянная и в полном отчаянии. Правда, когда ее и золовку внезапно разлучили, она попробовала искать Ульрику, но пошла в противоположном направлении, и они только разошлись еще дальше. В смятении ей даже не пришло в голову взять экипаж и ехать домой, так как название гостиницы кучер, конечно, разобрал бы; она только со страхом оглядывалась, ища Ульрику, и терпеливо предоставляла прохожим толкать ее из стороны в сторону. Но ее ужас дошел до крайних пределов, когда к ней протиснулись два погонщика со своими ослами, оглушительно предлагая ей свои услуги. Она забилась в маленькую нишу, прижалась к стене и разразилась слезами.

– Здравствуйте, госпожа Мальнер! – проговорил вдруг кто-то возле нее по-немецки, и, обернувшись, она увидела молодого человека, все лицо которого сияло от радости. – Это называется везет! В первый раз я вышел на улицу в Каире и сейчас же встретил вас!

Должно быть, он показался Зельме ангелом-спасителем, по крайней мере, она с громадным облегчением перевела дух, хотя потом покраснела.

– Ах, доктор!..

– К вашим услугам! Честь имею представиться! Доктор Бертрам, судовой врач с парохода «Нептун» общества «Ллойд»! Итак, вы не совсем забыли меня? Я ничего не слышал о вас с тех пор, как мы высадили вас в Александрии. Но что с вами?

– Я так испугалась... – призналась Зельма. – Я потеряла в толпе свою золовку и осталась одна, а кругом такая суета.

– Теперь вы не одни, потому что с вами я, – объявил молодой человек, загораживая ее собой от толпы. – Будьте спокойны, я не оставлю вас.

– Я... я вам очень благодарна. Если бы вы помогли мне отыскать мою золовку...

– Подождем ее здесь, – предложил доктор Бертрам, по-видимому, не спешивший возобновить знакомство и с этой дамой. – Она, наверно, где-нибудь да покажется.

– Нет, нет, я уже и так долго ждала! – со страхом воскликнула молодая женщина. – Пожалуйста, помогите мне найти Ульрику!

– Как прикажете! – и Бертрам предложил ей руку. Зельма колебалась; она не привыкла к такому вниманию. Но доктор не дал ей времени на размышления: он бесцеремонно овладел ее рукой и повел сквозь толкающуюся толпу.

У молодого врача, человека лет двадцати восьми-тридцати, была красивая, представительная внешность. На загоревшем от солнца и морского ветра лице блестели веселые карие глаза, фуражка с инициалами Ллойда лихо сидела набок на темных, слегка выющихся, волосах. Он был явно очень доволен неожиданной встречей и своей ролью покровителя, и ему удалось сделать несколько доверчивее и свою даму. Маленькая, хрупкая женщина, как дитя, висела на его руке, чувствуя себя под охраной, в полной безопасности, и скоро начала отвечать уже не так робко и односложно, а потом даже и смеяться в ответ на забавные фразы своего спутника. Разговаривая, они до известной степени упустили из виду цель своего путешествия, и Ульрика Мальнер отступила на задний план.

Но эта дама вовремя сумела снова выдвинуться вперед. Внезапно вынырнув из толпы, она, как хищная птица, налетела на пропавшую невестку.

– Наконец-то, Зельма! Ты была... – Она вдруг замолчала и превратилась в соляной столб; невиданное зрелище, которое представляла вдова ее брата под руку с чужим человеком, на мгновение лишило ее дара речи и способности двигаться. Однако, когда она узнала ее спутника, то быстро опомнилась и протяжно проговорила: – Доктор Бертрам! Вы как сюда попали?

– Прямо из Александрии, – ответил врач, прикладывая руку к козырьку. – Я имел удовольствие встретить госпожу Мальнер и предложил ей свои услуги, чтобы разыскать вас.

– Неужели? Ну, теперь я здесь, – сказала Ульрика, видимо, находя эти услуги совершенно лишними. – Не понимаю, Зельма, как ты могла быть до такой степени невнимательной, чтобы потерять меня! Пойдем, пора домой!

Зельма покорила и попыталась выдернуть руку из-под руки своего спутника, но тот крепко прижал ее к себе и сказал, оставляя без внимания весьма ясный намек:

– Госпожу Мальнер пугает толпа. Да и в самом деле на Муски опасно. Я немножко провожу вас.

При виде такого нахальства Ульрика смерила его взглядом с головы до ног и возразила:
– Благодарю вас. Вы можете спокойно оставить нас одних... Это что такое?

Последнее негодующее восклицание вырвалось у нее потому, что она почувствовала прикосновение чего-то странного к своей шляпе и, обернувшись, увидела над самой своей головой длинную шею верблюда и коричневого египтянина на его спине; верблюд вынужден был на минуту остановиться ввиду того, что толпа в этом месте была особенно плотной, и воспользовался остановкой для того, чтобы с самым невинным любопытством освидетельствовать шляпу Ульрики. Но последней это не понравилось; она подняла зонтик и нанесла животному такой основательный удар по носу, что оно испуганно попятилось, а ездок разразился громкими, угрожающими криками.

– Кричи, кричи, обезьянья рожа! – крикнула Ульрика, пылая гневом. – Ты думаешь, я так сейчас и позволю твоему африканскому чудовищу сожрать меня? Чтобы этого у меня не было! Понял?

– Обычно верблюды не питаются живыми людьми, – со смехом возразил врач. – Он просто заинтересовался незнакомым предметом, у него не было намерения причинить вам зло.

– Ну, так он хотел съесть мою шляпу, а этого я тоже не позволю, – настаивала старая дева. – Пойдемте, чтобы выбраться, наконец, из этого шабаша ведьм. Никогда в жизни не пойду больше на эту проклятую Муски!

– Я не советовал бы вам ходить сюда без провожатого; но под защитой мужчины...

– У нас есть провожатый, – отрезала Ульрика, – у базара нас ждет доктор Вальтер.

Если она надеялась отделаться таким образом от непрошеного спутника, то горько ошиблась. – Бертрам радостно воскликнул:

– Коллега Вальтер? А я собирался к нему! Я недавно познакомился с ним в Рамлее, в одной немецкой семье. Я непременно должен сейчас же поздороваться с ним! – И молодой человек, крепко держа руку своей дамы, принялся весело прокладывать себе путь в толпе.

Бедная Зельма дрожала от страха; она знала, что ей придется поплатиться за то, что Бертрам шел с ней, и потому с облегчением вздохнула, когда они добрались до базара.

Вальтер уже ждал их.

– Ну, вот и моя пропавшая пациентка! – крикнул он им навстречу. – Кого я вижу! Коллега Бертрам! Сдержали слово? Приехали? Очень рад.

Казалось, молодой врач был еще более рад встрече, потому что приветствовал коллегу так бурно, что тот с удивлением посмотрел на него. Он без приглашения присоединился к маленькому обществу, но теперь вынужден был идти сзади дамы; Ульрика воспользовалась минутой, когда мужчины здоровались, и, завладев невесткой, уже не выпускала ее. В конце Муски она и совсем отделалась от провожатых, подзвав экипаж и заявив:

– Мы поедem домой. Прощайте!

– Но погода такая чудесная, – попробовал возразить Бертрам. – Не лучше ли было бы...

– Иди же, Зельма, садись! – перебила Ульрика, бросая на него уничтожающий взгляд. – Прощайте!

Она стала у самой подножки, так как видела, что Бертрам желает помочь ее невестке, втокнула Зельму в экипаж, села вслед за ней, и они уехали.

– Воинственная особа! – со смехом сказал Бертрам, глядя вслед экипажу. – Командует, как унтер-офицер, и утащила свою невестку, как военную добычу. Приятная родственница!

– Замечательная женщина, – согласился Вальтер. – Мы с ней, при всем обоюдном уважении, стараемся обращаться друг с другом как можно грубее. Так мы уживаемся, А что, коллега,

не затащить ли мне вас сейчас к себе? У вас, должно быть, мало времени, ведь «Нептун» стоит в Александрии всего три дня. Но часок-другой вы все-таки можете нам уделить?

– «Нептун» уже ушел. Я взял отпуск на месяц, чтобы основательно осмотреть Каир.

– В самый разгар пароходного движения?

– Ну и что же, ведь на пароходе все дело только в том, чтобы на нем вообще был врач, и меня заменил молодой коллега, у которого пока нет места. Однако, один вопрос. Вы назвали госпожу Мальнер своей пациенткой, она у вас лечится? Вот удача!

– Удача? Что вы хотите сказать?

– Ну, разумеется, я смотрю на дело с медицинской точки зрения! По-видимому, очень интересный случай.

– Ничего подобного! Напротив, все очень просто. А вы ее выслушивали? Разве она была больна во время переезда?

– Нет! Ее золовка все время страдала морской болезнью и не выходила из каюты, а сама госпожа Мальнер отделалась коротким припадком в первый же день. Я предписал ей проводить побольше времени на палубе, потому что ей полезен морской воздух...

– И там занимались изучением интересного случая, – договорил Вальтер с совершенно серьезной физиономией. – Конечно, мы, врачи, никак не можем удержаться от этого, даже когда дело нас, в сущности, не касается.

– Но картина болезни мне все-таки далеко не ясна, – продолжал Бертрам, в пылу нетерпения не замечая насмешки и желая поскорее заставить коллегу высказаться. – По одному виду больного да по рассказам еще нельзя ни о чем судить; тут нужно исследование, которое вы, конечно, сделали. Дело серьезно?

– Смотря как на него взглянуть. Все зависит от лечения.

– Легкие затронуты? И серьезно? Боже мой, коллега, да говорите же!

У Вальтера хватило жестокости помедлить с ответом, а потом многозначительно пожать плечами.

– Судя по всему, что я вижу и слышу, дело, несомненно, серьезно, так серьезно, как только может быть.

– Господи! – растерянно вырвалось у молодого человека.

Это заставило Вальтера отказаться от своей серьезности, и он со смехом хлопнул его по плечу:

– Это вам наказание! Если вам угодно врать, то я буду платить вам той же монетой. Впрочем, я стою на своем; дело серьезно, то есть насколько это касается вас. Итак, будьте любезны оставить медицину и признаться, иначе вы ровно ничего от меня не узнаете.

Загорелое лицо молодого человека сильно покраснело, и он молча потупился.

– Ваш продолжительный отпуск в такое время года мне сразу показался подозрительным. Признавайтесь! Вы влюблены! Вы приехали в Каир вслед за ней и хотите знать, можно ли вам жениться; врачам известно, что легочные страдания наследственны. Или вы станете и теперь еще отпираться?

– Нет, я сдаюсь, но не пытайте же меня, скажите правду! Можно ли...

– Уж если нельзя иначе, то... можно. О чахотке нет и речи, все дело в крайнем истощении нервной системы.

– Но Фельдер нашел болезнь легких...

– Он был настолько догадлив, что пригрозил чахоткой, потому что поездка была для молодой женщины вопросом жизни, ведь иначе не было возможности заставить ее золовку согласиться. Легкие у нашей пациентки совершенно здоровы. Что касается нервных страданий, то уже один месяц в Каире оказал поразительное действие. Если же госпожа Мальнер проведет здесь зиму, то я ручаюсь за ее выздоровление.

– Ура! Женюсь! – в восторге крикнул Бертрам. – Коллега, милейший, почтеннейший коллега, не сердитесь, но за такое сообщение я непременно должен обнять вас! – И он, среди улицы, бросившись на шею товарищу, с чувством сжал его в объятиях.

– Не будьте так самонадеянны! – засмеялся тот. – Дело еще не сделано. Мне кажется, вы только что имели случай убедиться, что вам предстоит, когда вы станете ухаживать за госпожой Мальнер.

– Вы говорите о драконе, охраняющем мое сокровище? Ну, я его не боюсь.

– Напрасно вы так легко смотрите на это; госпожа Мальнер запугана и в высшей степени несамостоятельна. У нее не хватит смелости сбросить опеку золовки, а та, по-видимому, обрела ее на вечный вдовый траур.

– Совершенно верно. Она возит с собой в чемодане призрак покойного Мартина и при каждом удобном случае вытаскивает его на свет Божий. Но меня она им не испугает; я готов сражаться и с покойным братцем, и с живой сестрицей.

– Ну, в добрый час! Только вам придется перенести поле битвы в Луксор, потому что на днях я отправляю туда наших дам. Однако пойдете же к моей жене и вместе составим план нападения. Повторяю, задача нелегкая. Плохо придется бедной женщине, когда золовка доберется до истины и узнает, что крылось под вашими «медицинскими наблюдениями на палубе».

7

Осмар давал последний вечер перед отъездом, и его роскошные салоны были залиты светом. Стоя рядом с дочерью, он принимал гостей. Зинаида, давно лишившаяся матери, привыкла к роли хозяйки дома и исполняла ее грациозно и уверенно.

Лорд Марвуд, заручившись согласием отца, осмеливался теперь показывать, что имеет право на ухаживание, и холодный прием, который он встречал со стороны Зинаиды, несколько не смущал его. Он постоянно находился возле молодой девушки; где бы она ни была, куда бы ни пошла, всюду рядом с ней торчала высокая фигура англичанина.

Зоннек и Эрвальд тоже были здесь. Консулу неудобно было обойти сегодня приглашением молодого человека, который уже несколько недель был в его доме, и, наконец, это уже не представляло большой опасности ввиду предстоящей разлуки. Для наблюдений, которые ему так настойчиво рекомендовались, у Осмара не было времени; как хозяин, он был нарасхват, но, к своему успокоению, видел, что Марвуд взял присмотр на себя. Конечно, он сумел бы помешать нежелательному сближению.

Консул только что представил приехавшего на днях старика членам немецкой колонии, как «нашего знаменитого соотечественника, профессора Лейтольда, который наконец-то опять порадовал нас своим приездом».

– Да, я не был в Каире десять лет, – сказал профессор, бодрый, живой старик. – Когда имеешь честь занимать кафедру в немецком университете, то редко можешь урвать время для путешествия. Но теперь я хочу отдохнуть. Вы знаете, что египетские древности всегда были моей страстью. Я собираюсь на этот раз основательно заняться царскими гробницами в Фивах.

– И вы называете это отдыхом? – смеясь, спросил Осмар. – Поздравляю вас с этой возней в пыли и песке! Значит, мы с вами скоро увидимся, ведь вы, конечно же, поселитесь в Луксоре?

– Еще не знаю, это зависит от Зоннека. Он здесь все знает, как свои пять пальцев и укажет, где нам будет лучше всего устроить свою главную квартиру.

Последняя фраза обеспокоила консула.

– Разве Зоннек едет с вами в Луксор? – спросил он. – Я не слышал об этом.

– Это выяснилось только вчера; я уговорил его ехать со мной. Он пока еще свободен, разумеется, к своей величайшей досаде, и ему безразлично, где жить – здесь или в Фивах, пока господа, заседающие за зеленым столом, соизволят дать ему возможность двинуться с места. Все равно ему придется проезжать через Луксор, а мне очень выгодно, чтобы он был моим спутником.

– Совершенно верно. А господин Эрвальд тоже едет?

– Эрвальд? Ах, да, это немец, которого Зоннек подцепил где-то в Германии и берет с собой? Кстати сказать, чудесный малый! Да, он тоже едет.

На лице Осмара отразилось неприятное удивление. Правда, он был убежден, что ревнивые опасения Марвуда преувеличены, но все-таки... Впрочем, в настоящую минуту делать было нечего. Он переменял разговор.

Тем временем Эрвальд чувствовал себя в обществе весьма привольно. Победа на скачках и смелый наезднический кунштюк, проделанный им под конец, возбудили к нему интерес, а обаяние свежести и непосредственности его натуры лишь способствовало его усилению; он положительно имел успех, особенно у дам. Само собой разумеется, он подошел поздороваться с Зинаидой Осмар, но завести более продолжительный разговор ему не удалось, потому что она была отвлечена обязанностями хозяйки; кроме того возле нее торчал, как часовой, несносный лорд Марвуд. Рейнгард не чувствовал ни малейшей охоты разговаривать с молодой девушкой под контролем этого аристократа.

Двери на террасу в большом зале были открыты из-за духоты. В дверях стоял Зоннек с профессором Лейтольдом. С давних пор они были в дружеских отношениях; двадцать лет тому назад Зоннек молодым студентом слушал лекции в университете, в котором протекала деятельность профессора, и хотя с тех пор успел составить себе мировое имя, но сохранил привязанность к почтенному наставнику. Они говорили о Германии, об университете, об общих знакомых.

– Не знаете ли вы чего-нибудь о Гельмрейхе? – спросил Зоннек. – Я не был у него, когда ездил недавно в Европу, потому что на свое письмо получил от него короткий, холодный ответ, из которого сделал вывод, что мой визит нежелателен.

– И хорошо, что не были, – ответил Лейтольд. – Прошлым летом я заезжал к нему по дороге, но Гельмрейх так озлоблен, стал таким человеконенавистником, что я чувствовал себя очень неприятно в его обществе. Не понимаю, как мог человек с таким прошлым и с такой эрудицией похоронить себя в таком захолустье: Кронсберг – это затерявшийся в горах городишко, в котором нет возможности для духовной жизни. Впрочем, Гельмрейх сторонится общества и живет единственно наукой. Он буквально вне себя от того, что под боком у города появился маленький курорт; это нарушает его уединение.

– Но ведь вы знаете, что загнало его в уединение, – тихо сказал Зоннек.

– Еще бы не знать; эта история наделала тогда шума, но из-за нее нечего было отказываться от кафедры и друзей, как сделал Гельмрейх; к нему все чувствовали только сострадание и участие.

– Их-то и не вынесла его гордость. Кроме того, он любил дочь и не мог перенести, что удар был нанесен ему именно ею.

– Ну, дело было поправлено тем, что она обвенчалась. Другой отец, в конце концов, простил бы дочь, Гельмрейх же продолжает сердиться и на мертвую. Ведь, кажется, она умерла?

– Два года тому назад, а месяц назад я проводил в могилу и Бернрида.

– Здесь, в Каире? – удивился старик. – Как он сюда попал?

– Так же, как многие, потерпевшие крушение, люди, которые ищут приюта за границей. Пришлось известить Гельмрейха о смерти зятя, потому что Бернрид оставил семилетнюю девочку. Скоро она должна будет отправиться в Кронсберг.

Профессор покачал головой.

– Ребенок в этом доме, у этого старика, ставшего совершенным чудаком! Грустная участь для малютки!

– Я тоже боюсь, – сказал Зоннек, – но у девочки нет другого прибежища, а дедушка берет ее без отговорок.

Перед ним встал образ маленького лучезарного существа с розовым личиком и веселым детским смехом, с глазами, которые так напоминали глаза отца, когда вспыхивали гневом и упорством, и он подумал про себя:

«Бедная девочка! Что-то выйдет из тебя в таких руках!»

– Однако не будем омрачать приятное настоящее грустными воспоминаниями, – заговорил профессор. – Здесь все утопают в веселье, и вот этот молодой человек чувствует себя, как рыба в воде. О, юность с ее завидной способностью наслаждаться!

– К сожалению, с волками жить – по-волчьи выть, профессор, – ответил Эрвальд, к которому относились эти слова.

– Ну, не видно, чтобы это занятие было для вас так уж неприятно, – насмешливо возразил Лейтольд. – Вы разыгрываете из себя дамского кавалера и, насколько я могу судить, с несомненным успехом.

– Его здесь во всех отношениях балуют, – заметил Зоннек, – а он принимает это так беззаботно, точно так и полагается. Скорей бы уехать, а то тебе окончательно вскружат голову.

– Вы думаете, я так сейчас и позволю себе вскружить ее? – насмешливо спросил молодой человек.

– Дайте уж ему повеселиться сегодня! – вмешался Лейтольд. – Ведь в скором будущем ему придется ухаживать только за черными да за коричневыми красавицами, а они, пожалуй, окажутся ему не по вкусу. Воображаю, как вы недовольны тем, что мы покидаем Каир, господин Эрвальд!

– Я? – пылко возразил Рейнгард. – Если бы вы знали, как я благодарен вам за то, что вы уговорили господина Зоннека ехать в Луксор! Это избавляет нас от праздного ожидания, которое становится пыткой, и все-таки это – хоть шаг вперед по нашему пути.

– Шаг, который представляет целых пять дней езды, – улыбаясь сказал профессор, которому, очевидно, нравилась горячность юноши. – Ах, вот и доктор Вальтер! Мне надо сказать ему пару слов. Пойдемте, Зоннек!

Эрвальд собирался последовать за ними, но вдруг остановился. Любезничая направо и налево, он не замечал, что пара темных глаз неотступно следит за ним; теперь он увидел это, и его взгляд тоже остановился на хозяйке дома, которой только что удалось освободиться от окружавших ее поклонников.

Зинаида была вообще очаровательной девушкой, но сегодня, в вечернем туалете, она была очаровательнее, чем когда-либо. Она медленно шла через зал, переходя от одной группы к другой, здесь бросая несколько слов, там – улыбку; эта двадцатилетняя девушка была уже вполне сформировавшейся, уверенной в себе светской дамой. Только ее глаза говорили другое; эти темные глаза, в глубине которых таился какой-то отблеск тоски, говорили о стремлении к иному миру, чем эта пестрая, блестящая суэта вокруг. Вездесущий лорд Марвуд был возле нее, а по другую сторону шел лейтенант Гартлей, красноречиво выражая свое огорчение по поводу ее предстоящего отъезда, о котором он только сейчас узнал.

– Итак, это бесповоротно? На следующей неделе? Неужели у вас хватит духа так надолго оставить Каир сиротой?

– Полагаю, что Каир сумеет утешиться, – сказала, рассеянно слушавшая его, Зинаида с мимолетной улыбкой.

– Напротив, мы все облачимся в глубочайший траур и не снимем его, пока вы не вернетесь. Правда, Френсис?

– По крайней мере, у меня нет основания облачаться в траур, – объявил Марвуд. – Господин фон Осмар был так любезен, что пригласил меня в Луксор. Вы знаете об этом, фрейлейн?

– Да, папа сказал мне вчера.

Зинаида произнесла это очень холодно и не поддержала приглашения отца, как этого требовала вежливость, но Марвуд как будто не заметил этого. Зато Гартлей воскликнул с комическим негодованием:

– Ну, конечно, тебе всегда предпочтение, счастливец! Здравствуйте, господин Эрвальд! Вы слышали, какая нам предстоит утрата? Вы ведь еще несколько недель пробудете в Каире.

– Наши планы уже изменились, – сказал Рейнгард. – Мы уезжаем послезавтра в Луксор; Зоннек вместе с профессором Лейтольдом хочет покопаться в царских гробницах.

Сверкающий гневом взгляд, какого никак нельзя было ожидать от тусклых глаз Марвуда, упал на молодого человека, а потом перешел на Зинаиду. Она и теперь ни словом не выразила одобрения, но ее глаза изменнически заблестели таким счастьем, что Марвуд прикусил губу.

Между тем Гартлей не то смеялся, не то сердясь воскликнул:

– Вы тоже? В таком случае мне остается только желать, чтобы на Египет напали нубийцы, и наш полк был срочно командирован на Нил, разумеется, с продолжительной остановкой в Луксоре.

Он вдруг замолчал и с поклоном отступил, потому что к ним направлялась, шурша шлейфом, жена его командира; она обратилась к нему и его товарищу, к великому неудовольствию

последнего. Необычайная молчаливость Марвуда ничего не дала, потому что тем многоречивее была дама. Она приходилась ему дальней родственницей, интересовалась новостями, полученными им из дома, и безнадежно втянула его в разговор, который он не мог оборвать, не будучи невежей. Но он видел, что Зинаида с Эрвальдом направилась к двери и вслед за тем вышла на террасу.

Через широкую дверь посередине на мраморные плиты падала широкая полоса света, остальная же часть террасы была погружена в полумрак. В противоположность душным залам с их ярким светом и суетой здесь царили тишина и пустота. Зинаида и Рейнгард остановились. Внизу расстился темный сад; из мрака ночи к молодым людям подымался сладкий аромат цветов, как таинственный привет издалека, а над ними сверкали и мерцали на черном небе звезды. Но на этот раз взор молодого человека не стремился в бесконечную даль, а остановился на стройной белой фигуре, прислонившейся к балюстраде; ведь и он видел, как заблестели глаза Зинаиды при известии, дававшем ей возможность надеяться на свидание. Они говорили о посторонних предметах, но голос девушки звучал сдержанно, глухо, а в тоне Эрвальда была какая-то особенная мягкость, вообще несвойственная ему.

– Лорд Марвуд едет с вами в Луксор? – спросил он.

– Отец пригласил его. Я же...

– Вы бы этого не сделали? – договорил он.

– Нет! – твердо сказала Зинаида.

– Боюсь, что он это подозревает, – насмешливо заметил молодой человек. – Но он обладает величайшей настойчивостью. Впрочем, вы можете и меня упрекнуть в том же, но я торжественно заявляю, что неповинен в принятии такого решения; вся ответственность за него ложится на профессора Лейтольда. Я узнал о поездке только вчера вечером.

– Вы буквально оправдываетесь, точно в каком-нибудь преступлении. Почему это?

– Потому что мне тоже очень не хотелось бы оказаться непрошеным гостем. Зоннек и Лейтольд, наверно, будут посещать вас.

– Наверно. Это само собой разумеется, так же как то, что мы будем им рады.

– А мне?

Зинаида молчала.

– А мне? – повторил Рейнгард. – Вы не сказали ни слова, когда я упомянул о нашей поездке. Я даже не знаю... можно ли мне навестить вас.

Девушка и теперь ничего не сказала, но подняла глаза; они ответили, и достаточно ясно. Эрвальд подошел ближе и нагнулся к ней.

– Зинаида... можно мне прийти к вам?

Услышав свое имя, она слегка вздрогнула, но не остановила Рейнгарда, не бросила гневного взгляда на дерзкого, осмелившегося заговорить с ней в таком тоне; ему прощались смелость, которая никогда не была бы разрешена Марвуду, и он почувствовал это.

«Счастье, в котором тебе будет завидовать весь Каир», – сказал Рейнгарду Зоннек. Да, это был драгоценный подарок! Красивая, окруженная поклонением девушка, с которой было связано княжеское богатство. И этот подарок мог достаться ему, стоило ему только захотеть!

Рейнгард не был бы мужчиной, если бы эта мысль не опьянила его, если бы его любовь к самостоятельности, его пылкое стремление к свободе устояли перед ней. Фантастические планы будущего отступили далеко назад, он видел перед собой только «прелестную действительность».

– Можно? – спросил он еще раз, но настойчивее, горячее.

– Приходите! – тихо слетело с губ Зинаиды и, как будто повинуюсь внезапному порыву, она, вытащив из букета на своей груди розу, протянула ее молодому человеку.

Она не противилась также, когда он удержал руку, протянувшую ему этот душистый подарок, и поднес ее к губам.

В это мгновение на освещенные плиты легла тень; на пороге стоял лорд Марвуд. Он не мог видеть поцелуя из-за темноты, но видел, что они стоят очень близко друг к другу и поглощены тихим разговором, который при его приближении тотчас смолк. Он медленно подошел к Зинаиде; Эрвальда он как будто не замечал.

– Вы покинули нас, мисс! Ваши гости скучают без вас, и господин фон Осмар всюду вас ищет.

Зинаида быстро овладела собой; она была настолько светской дамой, что не выдала себя ни взглядом, ни движением, как ни неприятна была ей, эта неожиданная помеха. Она повернулась к Марвуду и ответила совершенно непринужденно:

– В комнатах душно и жарко. Папе следовало принять мое предложение и включить в программу сад, но он нашел, что это рискованно зимой. Однако я пойду к нему. – И она, слегка кивнув обоим, ушла.

Марвуд не пошел за ней. Он уже давно заметил розу в руке Рейнгарда, а взглянув на букет Зинаиды, понял, откуда она. Вид у него был, как всегда, холодный и высокомерный, но его лицо покрылось зеленоватой бледностью. Очевидно, существовала-таки причина, по которой его природная холодность изменяла ему, и это была его любовь к прекрасной дочери Осмара. Правда, он видел, что она не отвечает на его чувство, но стремился к обладанию ею со всем упорством своей натуры. Ревность бурно вспыхнула в его душе.

– Вы сказали, что едете в Луксор, господин Эрвальд, – заговорил он, – но, насколько я знаю, вы не получали туда приглашения.

Рейнгард прислонился к балюстраде в весьма небрежной позе и не менее небрежно ответил:

– Разве для того, чтобы ехать в Луксор, нужно ваше разрешение, лорд Марвуд? Я этого не знал, но не премину сообщить Зоннеку, что он должен просить у вас позволения.

– Господин Зоннек и профессор преследуют научные цели, – сказал Марвуд, считая, что заметить насмешку будет ниже его достоинства, – А какие цели преследуете вы?

– Вас это очень интересует? Это лестно для меня, но, как мне ни жаль, я не могу сообщить вам относительно этого никаких сведений.

Насмешливый тон противника раздражал молодого лорда, тем более что он не в силах был состязаться с ним. Вообще, он не имел намерения вступать в пререкания с «дерзким авантюристом» и потому сухо и резко заметил:

– Не у каждого хватит наглости быть непрошеным гостем.

– Вполне разделяю ваш взгляд, милорд! Я только что именно об этом говорил с фрейлейн фон Осмар.

Говоря это, Рейнгард стоял все в той же небрежной позе и вызывающе вертел в руках розу. Уже одну эту позу Марвуд считал оскорблением для себя и слишком хорошо понял, на что намекали последние слова его противника. Он выпрямился и самым оскорбительным, надменным тоном, которым так мастерски владел, проговорил:

– Позвольте заметить, что я считаю ваше присутствие в доме господина фон Осмара неприличным!

Рейнгард остался совершенно спокоен.

– Позвольте заметить, лорд Марвуд, что я считаю ваше заявление наглостью.

– Милостивый государь!

– Наглостью или дерзостью! Можете выбирать, какое из этих двух слов вам больше нравится.

С губ Марвуда слетело подавленное восклицание ярости. Он поднял кулак и сделал движение, собираясь броситься на оскорбителя. Но последний тоже выпрямился и стоял перед ним грозный, со сверкающими глазами.

– Кажется, вам угодно устроить здесь драку? Это было бы еще неприличнее, чем мое присутствие в доме господина фон Осмара, и я вообще не привык разрешать споры таким образом.

Марвуд покраснел до корней волос, когда противник напомнил ему о корректности, и медленно опустил кулак.

– Вы услышите обо мне! – хрипло проговорил он, повернулся к нему спиной и ушел с террасы.

Рейнгард посмотрел ему вслед и пожал плечами.

«Дуэль перед самым отъездом. Зоннек подымет скандал. Да! Ему и знать-то об этом незачем. Обойдусь и без него!»

С этой мыслью он в свою очередь направился в зал и присоединился к обществу так беззаботно, будто его разговор с Марвудом был самой невинной беседой; он появлялся то тут, то там, так что искавший его лейтенант Гартлей с трудом поймал его. Офицер нисколько не разделял антипатий товарища и обычно держался с Эрвальдом весело и непринужденно, но теперь подошел к нему с самым официальным видом.

– Я буду иметь честь посетить вас завтра утром, господин Эрвальд, по делу, не терпящему отлагательства, – тихо сказал он. – Я застаю вас дома?

– Я к вашим услугам, – поклонился Рейнгард. – Что касается упомянутого вами дела, то покорнейше попрошу по возможности скорее покончить с ним. Наш пароход отходит послезавтра, и мне не хотелось бы пропускать его.

Гартлей посмотрел на него с некоторым удивлением; такая беззаботность по отношению к дуэли была для него новостью, но он ответил по-прежнему церемонно:

– Мы учтем ваше пожелание. До завтра!

Они обменялись поклонами и разошлись.

Эрвальд подошел к группе, в центре внимания которой была Зинаида, как всегда окруженная поклонниками. Ее глаза остановились на нем с вопросительным выражением. Она находила вполне естественным, что он не воткнул ее розу в петличку открыто перед всем обществом; кто-нибудь мог бы догадаться, откуда она, потому что такие пурпурные розы были сегодня только у нее одной. Она была благодарна ему за его деликатность. Бедная Зинаида! Если бы она знала, что человек, которого она любила, даже не заметил, как роза выпала у него из рук во время его ссоры с Марвудом. Она увядала теперь на мраморном полу террасы. Рейнгард просто забыл о ней.

8

Предраассветные сумерки начали редеть, уступая место дню, и белый туман, стлавшийся над Нилом, заколыхался. Дорога из Каира к пирамидам, обычно очень оживленная, в этот ранний час была еще пустынна; на ней виднелись лишь несколько египтянок, идущих в город, да открытый экипаж, ехавший в противоположную сторону. В нем сидело двое мужчин. Проехав около трех четвертей дороги, экипаж остановился, и мужчины вышли; один из них сказал что-то кучеру, а затем оба пошли через поле к небольшой пальмовой роще, находившейся в четверти часа ходьбы от дороги.

– Здесь бывает очень холодно перед восходом солнца, – сказал старший, плотнее запахивая пальто. – Вы выбрали чертовски ранний час, Эрвальд. Можно было бы отложить до восьми.

– Нет, позднее нам могли бы помешать, – возразил Эрвальд, у которого на плечи был наброшен только легкий плед. – Это место обычно переполнено туристами, как и все окрестности города. Кроме того, в девять часов я должен быть уже в Каире, потому что через час мы уезжаем, а мне не хотелось бы заставлять ждать Зоннека и профессора.

Спутник – это был доктор Бертрам – посмотрел на него и, покачав головой, произнес:

– Вы, кажется, вполне уверены в счастливом исходе. Завидное спокойствие!

– Почему же я должен относиться к делу трагически? В центральной Африке мы изо дня в день будем смотреть в лицо опасности и со стороны людей, и со стороны природы; в данном же случае речь идет не более как о безобидной дуэли.

– При которой противники служат друг для друга мишенью! Не нахожу, чтобы это было так уж безобидно.

– И с этим неудобством нам придется частенько встречаться, когда мы натолкнемся на дикарей, – засмеялся Рейнгард. – Дуэль будет для меня маленькой практикой. Лорду Марвуду угодно пострелять? Сделайте одолжение! Я готов доставить ему это удовольствие, но пусть не требует, чтобы я относился к этому серьезно.

– Лорд хорошо стреляет, – серьезно возразил Бертрам. – Я слышал это от его секунданта.

– Весьма возможно, но я стреляю наверняка еще лучше; и, кроме того, в таких случаях надо полагаться на счастье. Меня оно никогда еще не покидало, я – в своем роде счастливчик. В каких только передрягах я не бывал, а вот все еще цел и невредим.

– Но если лорд Марвуд будет убит или тяжело ранен, то вам тоже несдобровать; при его общественном положении...

– Он не будет убит, – перебил Рейнгард. – Его драгоценная жизнь будет сохранена для мира и человечества. Сделайте мне одолжение, доктор, оставьте эту похоронную мину! Она вам совсем не к лицу. Правда, она считается обязательной в таких случаях, но я освобождаю вас от нее, по крайней мере, до тех пор, пока вы не будете торжественно провожать меня в могилу.

– Вы неисправимый балагур, – сказал Бертрам, смеясь против воли. – Не ожидал я, что мне придется быть в Каире секундantom! Я думал, что вы попросите об этом Зоннека.

– Ни за что на свете! Мне пришлось бы выслушать длиннейшую проповедь, и в конце концов он стал бы хлопотать о примирении. Зоннек не должен и подозревать об этой истории. Вас послала мне моя счастливая звезда, доктор. Я буквально не знал, откуда взять секунданта; просить англичан не хотелось, а немца не оказалось рядом. В отчаянии я побежал, наконец, к Вальтеру, хотя знал, что и там мне станут читать нравоучения. И вдруг я встретил у него вас! Разумеется, я тотчас завладел вами.

– Да, это было преоригинальное знакомство. Нас ведь еле успели представить друг другу, как вы уже отвели меня в сторону, чтобы сообщить мне свой секрет. Я рад помочь соотечественнику, только мне бы хотелось, чтобы повод для этого был несколько иной.

– Отчего же? Повод отличный. Но вот мы и на месте.

Они дошли до рощи, достаточно удаленной от дороги, чтобы скрыть дуэль от любопытных глаз. Противной стороны еще не было. Но вот показался второй экипаж. Он тоже остановился на некотором отдалении.

Тем временем из-за горизонта выплывало солнце. Исполинские пирамиды окрасились пурпуром; туман, окутывавший Каир, начал таять; сначала из него выступили башни цитадели, потом купола и минареты, и мало-помалу город сбросил с себя покрывало и предстал в ослепительном сиянии утра.

Рейнгард так залюбовался зрелищем, что не заметил подходивших к ним людей и очнулся только от восклицания товарища:

– Вот и они!

– Кто? Ах, наш противник! Вы только посмотрите, как это красиво! Если бы у меня был талант Зоннека, я непременно нарисовал бы это. Это была бы дивная картина!

Бертрам в душе находил, что в эту минуту следовало бы подумать о других вещах, а не о картинах. Маленькое общество приближалось; его составляли лорд Марвуд со своим секундантом Гартлеем, английский посланник, который так решительно высказывался за победу Бернрида на скачках, и полковой врач.

– Англичане преобладают! – насмешливо проговорил вполголоса Рейнгард. – Сколько церемоний ради того, чтобы обменяться парой выстрелов! Но иначе эти господа не могут.

– Лорд Марвуд, кажется, сильно не в духе, – заметил Бертрам.

– Надо полагать, эта дуэль претит его самолюбию аристократа. Видите ли, он считает громадным снисхождением со своей стороны то, что дерется со мной, с человеком, у которого нет ни родословного дерева, ни миллионов. Короче говоря, я не имею никаких прав на честь быть убитым этим лордом и глубоко чувствую, что недостоин этого.

– Эрвальд, прошу вас, будьте серьезнее! – с досадой остановил его врач.

Рейнгард только пожал плечами. То, что он говорил в шутку, было совершенно справедливо; лорд Марвуд, действительно, раскаивался, что позволил себе до такой степени увлечься, потому что своим вызовом признавал за противником именно те права, в которых желал отказать ему. Он рассчитывал осадить его своим оскорбительным заявлением, но когда Эрвальд ответил на оскорбление еще большим, то ему оставалось только или проглотить его, или отомстить. Конечно, он выбрал второе, и его самолюбие возмущалось против того, что он некоторым образом равняет с собой авантюриста, соглашаясь с ним драться.

Он поздоровался с противником только спесивым кивком головы, тогда как другие обменялись с Рейнгардом и Бертрамом холодными, но вежливыми поклонами. Никто из свидетелей не знал истинной причины дуэли; известно было только, что Эрвальд употребил оскорбительные выражения в адрес лорда, но, очевидно, они были вызваны самим лордом; последний никогда не скрывал своей антипатии к молодому немцу.

Выбранное место находилось по другую сторону рощи, на опушке. Приготовления были скоро окончены, секунданты отсчитали шаги и зарядили пистолеты; противники заняли места.

– Посмотрите только на этого Эрвальда! – с досадой прошептал полковник Гартлею, – он точно на бал пришел!

– Как бы это не было его последним припадком веселья! – так же тихо ответил Гартлей. – Первый выстрел за Марвудом, а он страшно обозлен.

Рейнгард, действительно, стоял с таким видом, точно поединок его вовсе не касался. Он смотрел беззаботно, как человек, привыкший играть опасностью и любящий эту игру. Казаюсь, это особенно раздражало лорда. Когда он медленно поднял пистолет и прицелился, по его лицу было видно, что он твердо решил столкнуть с дороги соперника, которого презирал и в то же время боялся.

Полковник подал знак.

Вдруг на некотором расстоянии на землю упал ястреб, очевидно, наметивший себе какую-то добычу; в ту же минуту грянул выстрел, и пуля просвистела у самого плеча Рейнгарда; он остался невредим. Счастье не изменило ему; внезапное появление птицы, теперь уже опять поднявшейся в воздух с трепещущей добычей в когтях, заставило дрогнуть руку его противника, и он промахнулся.

Теперь очередь была за Эрвальдом, и в следующую минуту он выстрелил, но тоже промахнулся; лорд продолжал стоять. Вдруг Марвуд подозвал к себе Гартлея и с очевидным волнением сказал ему что-то; после коротких, тихих и взволнованных переговоров Гартлей направился к Рейнгарду, который стоял с насмешливой улыбкой на губах и разряженным пистолетом в руке.

– Лорд Марвуд просит вас объяснить, что означает этот выстрел, – резко проговорил офицер.

– Что означает? – повторил Рейнгард совершенно непринужденно. – Надеюсь, вы не притянете меня к суду за то, что я плохо стреляю, господа!

– Вы стреляли в воздух! – сказал полковник. – Мы все это видели и просим объяснения.

– К чему? Я принял вызов моего противника и подставил себя под его пулю – остальное никого не касается, кроме меня.

– Полагаю, что касается немножко и лорда Марвуда. Он относится к дуэли серьезно.

– Я это видел, – холодно ответил Рейнгард. – Лорд Марвуд желал попасть, я же желал промахнуться; мы оба по-своему правы.

– Если это великодушие, то я позволю себе заметить вам, что оно оскорбительно. Лорд Марвуд, разумеется, предполагал серьезное отношение с обеих сторон. Я не думаю, чтобы он мог считать себя удовлетворенным.

Рейнгард равнодушно пожал плечами.

– Если мой противник находит нужным вторично обменяться выстрелами, я готов, но буду стрелять точно так же, как и в первый раз.

Гартлей с минуту колебался, не зная, как поступить ввиду такого заявления, потом повернулся и пошел к товарищу.

– Вы – безумец! – тихо сказал Бертрам. – Вы в состоянии сдержать слово! Что, если лорд примет ваше сумасбродное предложение?

– Едва ли; Марвуд не пойдет на простое убийство. Впрочем, я в любом случае сдержу свое слово.

Через несколько минут Гартлей вернулся и коротко и церемонно заявил:

– Лорд Марвуд просит сообщить, что при таких условиях он отказывается от дуэли.

Рейнгард поклонился.

– Значит, дело кончено, и мне остается раскланяться. Пойдемте, доктор!

Он поклонился в сторону остальных – ему ответили только полковник и английский врач – и ушел с Бертрамом. Когда они отошли настолько, что их уже не могли слышать, Бертрам сказал, не скрывая своего неодобрения:

– Я разделяю мнение Гартлея: дуэль – серьезное дело, а вы сделали из нее комедию.

– В сущности, это и есть комедия, – возразил Рейнгард. – Неужели вы находите остроумным, когда двое людей становятся на определенном расстоянии и в присутствии нескольких свидетелей торжественнейшим образом палят друг в друга? Я нахожу, что это безнравственно.

– Но ведь вы приняли вызов!

– Что же мне еще оставалось? Оскорбление было нанесено с обеих сторон, не могли же мы драться врукопашную, и я вовсе не желал накликать на себя презрение всего каирского общества, как трус, отказавшийся от дуэли. Но я дал урок этому заносчивому господину; он, действительно, хотел сделать мне честь и собственноручно застрелить меня, а я... пощадил

его. Он, конечно, не простит мне этого, но поостережется впредь проявлять нахальство, когда мы встретимся в Луксоре.

– Все же вы играли в опасную игру; Марвуд целился старательно. Если бы не счастливый случай в виде этого ястреба, вы лежали бы теперь на земле, и, может быть, умирали бы.

– Если бы!.. Если бы!.. – смеясь воскликнул Рейнгард. – Слова «если» и «но» давно выброшены из моего лексикона; без них гораздо легче живется. Благодарю вас, доктор, за дружескую услугу! Если вам когда-нибудь понадобится таковая, то я в вашем распоряжении.

– Только надеюсь, что мне не придется просить вас об услуге такого же рода, – сказал Бертрам, дружески пожимая его руку.

Они вышли из рощи. Широкая долина Нила была уже вся залита ярким солнцем. Рейнгард невольно остановился.

– Хорошо жить! – сказал он с глубоким вздохом, – а особенно это ощущается, когда только что избежал смерти. Вы правы, я обязан этим тому крылатому молодцу, что кружит вон там, в небе. Но неужели вы считаете это случаем? Это было мое счастье; оно слетело ко мне с заоблачных высот и спасло меня. А Зоннек все твердит мне, что счастье – обманчивый мираж, который расплывется, как только я попробую подойти к нему! Сегодня я опять, как уже много раз, чувствовал его веяние около себя и, как бы ни было оно высоко, как бы ни было далеко, я доберусь до него!

9

На террасе большой гостиницы в Луксоре сидело маленькое общество: Ульрика Мальнер с невесткой и господин в светлом костюме туриста. Они разговаривали, вернее сказать, говорила Ульрика, а двое других почтительно слушали; господин еще позволял себе иногда коротенькое замечание, Зельма же молчала.

Она была занята пришиванием голубой вуали к своей шляпе. Достаточно было бегло взглянуть на нее, чтобы согласиться с доктором Вальтером, что она очень поправилась. Худое, бледное лицо пополнело и порозовело, глаза утратили усталое выражение и она уже больше не горбилась; она на глазах расцветала. Преподобней осталась только робость.

Золовка была постоянно при ней и очертила ее настоящим волшебным кругом, переступать который позволялось лишь избранным. Господин, сидевший с ними, принадлежал к числу избранных и был обязан этой чести прежде всего жгучей потребностью Ульрики Мальнер говорить по-немецки; к ее великому негодованию и здесь общество состояло преимущественно из англичан да американцев, и потому скромный соотечественник, чувствовавший себя так же одиноко, был принят весьма милостиво.

Это был маленький человечек лет сорока, крайне незначительное существо с добродушной физиономией и необыкновенно вежливыми манерами. Они познакомились всего неделю назад, но он был уже полностью под башмаком у своей энергичной соотечественницы, которая говорила ему в лицо самые бесцеремонные вещи и таскала его с собой на буксире на прогулки. Она только что прочла длинную лекцию и остановилась поневоле, чтобы перевести дух; он воспользовался паузой, чтобы сказать хоть одно слово.

– Наши знаменитые соотечественники сегодня отдыхают; вчерашние изыскания были очень утомительны; мы до позднего вечера оставались в Фивах.

Это «мы» он сказал не без некоторого самодовольства, что заставило Ульрику пожать плечами и грубо заметить:

– Вас там только не хватало! Вы до тех пор лебезили с ними, пока они не взяли вас, наконец, с собой.

Господину Эльриху не понравилось слово «лебезить». Он ответил немножко обидчиво:

– Не думаю, чтобы я заслуживал упрека за то, что отдаю должное великим людям и воспользовался случаем присоединиться к ним. Знаменитый Зоннек, который так же спокойно отправляется в экспедицию в центральную Африку, как мы – на прогулку за город, ученый профессор, который, так сказать, на «ты» с тысячелетними мумиями, и...

– И этот нахал Эрвальд, – перебила Ульрика, – который и не знаменит, и не учен, а держит себя так, точно ему принадлежит весь мир! Зоннека я еще признаю, да и профессора тоже, хотя у него настоящая мания копать в языческом хламе.

– В языческом хламе! – с ужасом повторил Эльрих. – Но ведь это – находки неизмеримой важности! Это памятники великого прошлого, свидетели культуры минувшей эпохи...

– Да, да, все это написано в путеводителе, и вы, очевидно, выучили наизусть, – срезала его Ульрика. – Знаю я, что это такое; в Каире мы помчались в музей, чтобы видеть все эти прелести, и не нашли ничего, кроме хлама. А что касается древних мумий, то прямо-таки грех вытаскивать их из песков, в которых они лежат уже столько тысяч лет.

– Извините, они лежат в каменных гробницах в Фивах, – с полным знанием дела возразил новоиспеченный ученый.

– Ну, и пусть их! Я туда не полезу и никогда не допустила бы, чтобы меня после смерти вырыли и выставили на позорище публике. Это – бесстыдство! Слава Богу, в нашем Мартинсфельде не делают таких вещей. У нас тебя хоть похоронят прилично.

– Здравствуйтесь, мадам! – раздалось вдруг приветствие на немецком языке.

Оно произвело на дам престранное впечатление: старшая выпрямилась, как свечка, и уставилась на господина, появившегося в дверях столовой, как на привидение, а младшая густо покраснела и выронила шляпу; но это было очень кстати, так как, наклоняясь за ней, она могла хоть как-то скрыть свою растерянность. Однако господин, должно быть, все-таки кое-что заметил; его глаза блеснули, и он быстро подошел.

– Доехали благополучно, мадам? Очень рад! Как ваше здоровье, сударыня? Честь имею кланяться, фрейлейн! Мы ведь с вами – старые знакомые!

Он хотел дружески пожать руку старой знакомой, но та энергично отдернула ее и воскликнула, не тудясь скрывать свое возмущение:

– Доктор Бертрам! Вы опять здесь?

Такой прием не был поощрителен, но доктор улыбнулся так любезно, точно его встретили с распростертыми объятиями.

– «Опять здесь!»! Я приехал вчера вечером. Удивительно, как судьба постоянно сводит нас вместе!.. Право, удивительно!

Бертрам мог бы объяснить это «удивительное» обстоятельство тем, что, не достав уже билета на пароход, на котором ехали дамы, поспешил приехать следующим; но он мудро умолчал об этом и обратился к Эльриху, сидевшему рядом с Зельмой:

– Кажется, мы соотечественники? Входя, я слышал, что вы говорили по-немецки. Позвольте представиться – доктор Бертрам.

– Эльрих, – представился и тот, вежливо вставая.

В ту же минуту в руках доктора очутился стул; он подставил его учтивому господину и ухватился за спинку освободившегося рядом с Зельмой стула, вежливо говоря:

– Не беспокойтесь, прошу вас! Вы уступаете мне место? Вы очень любезны! – и он уселся рядом с Зельмой с чрезвычайно довольной физиономией.

Эльрих опустил на подставленный стул с довольно озадаченным видом. Ульрика с яростью искоса посмотрела на нахала и злобно заметила:

– Я думала, что вы уже давно на своем пароходе. Удивительна ваша должность, раз она позволяет вам целые недели рыскать по Египту!

Бертрам с меланхолической миной вздохнул.

– Я вынужден был взять отпуск совершенно против воли; я болен.

Зельма испуганно взглянула на него. К счастью, вид доктора не внушал никаких опасений, так что Эльрих невольно выразил удивление.

– Однако на вид вы – само здоровье.

– У меня болезнь сердца. Об этом нельзя судить по виду, но все-таки это очень опасно, особенно если болезнь развивается так, как у меня. Но вы не ответили мне на вопрос о своем здоровье, сударыня? Позвольте мне воспользоваться привилегией врача.

Он взял руку молодой женщины и стал считать пульс.

– Наш врач – Вальтер, – резко запротестовала Ульрика, но Бертрам невозмутимо продолжал свои докторские наблюдения.

– Я знаю, но коллега Вальтер, когда узнал, что я еду в Луксор, поручил свою пациентку мне. Я обещал подробно написать ему. Не правда ли, вы мне доверяете? – спросил он Зельму, все еще добросовестно щупая пульс и при этом находя нужным внимательно вглядываться в глаза пациентки.

Зельма снова вспыхнула, но терпеливо разрешала манипуляции доктора, за что золовка наградила ее уничтожающим взглядом, после чего заметила Бертраму:

– Доверять вам! Вы не умеете вылечить собственное сердце, а беретесь лечить других? Впрочем, врачи все таковы. Все-то они знают и понимают, сыплют красноречивыми фразами, а вылечить никого не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.